

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration: 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 6-7/30-31.

ИЮНЬ-ИЮЛЬ 1936.

№ 6-7/30-31.

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат. — О новой советской конституции и о прочем.

Дожиник Милль. — О проливах.

Генерал Г.И.Квинтадзе. — Москва и Тифлис.

***. — Проблема очага и семьи в СССР.

З. Авашивили. — На академические темы.

Тамбий Елекхоти. — Кавказ между Севером и Югом.

Шефи Рустамбейли. — Драма одного экзалидера.

А. А. А. — Из заметок члена Азербайджанского парламента.

Вахтанг Карелели. — О двух преступлениях Москвы.

Шалва Амiredжиби. — О новой грузинской литературе.

В. Оленин. — Великий всероссийский обман.

К. Р. — К смерти Максима Горького.

Обзор Печати.

Хроника.

З. А. — Библиография.

14 июля 1936 г.

О НОВОЙ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ И О ПРОЧЕМ

находится в центре внимания не только так называемого «советского общественного мнения».

Москва приняла совершенно исключи-

тельные меры, чтобы об этом «планетарном» событии была как можно шире оповещена Европа и весь мир.

Проект конституции, переведенный на *одиннадцать* языков, издан в *пятнадцати миллионах* экземпляров.

Мобилизована вся контролируемая 3-м Интернационалом коммунистическая пресса Европы и большевизанствующая европейская печать.

Москва приняла совершенно исключи-

И это совершенно понятно. Достаточно беглого взгляда на последнее творение «мудрейшего из мудрых», «величайшего из великих», чтобы тотчас увидеть, что предназначается оно главным образом для внешнего употребления.

Неприятно повторяться. Скуечно из номера в номер твердить одно и то же. Но нельзя не констатировать, что каждый новый акт советской власти, как во внутренней жизни страны, так и во внешней ее политике, неизменно диктуется одной и той же навязчивой мыслью, одним и тем же кровавым кошмаром надвигающейся войны.

Москва давно поняла, что война неотвратима, что нет в мире силы, которая могла бы отвести нависший над ней дамоклов меч истории.

Литвинов еще делает последние судорожные попытки для сохранения «неделимого мира» и «коллективной безопасности» — но советская власть отлично отдает себе отчет, что Женевская игра безповоротно проиграна.

Все ее помыслы и воля исключительно сосредоточены на материальной и моральной подготовке войны. Вся хозяйственно-экономическая жизнь страны и все строительство давно уже подчинены потребностям армии.

Для психологической подготовки войны, для создания патриотического подъема власть не останавливается ни перед каким отречением от коммунистической догмы, ни перед какой изменой своему революционному прошлому. Сигнгила все, чему поклонялась, она низко склоняется перед теми духовными ценностями, которые еще совсем недавно, она так сладострастно топтала и грязь и оплевывала.

Все для защиты родины, все для войны! Вот сегодняшний клич Кремля.

Лозунг, который мы как будто уже слы-

шали когда то, в иные дни, из иных уст...

Лозунг этот звенит в ушах когда читаешь и проект новой советской конституции. Как «мементо мори», мысль о войне чувствуется за каждой ее статьей. Если отрешиться от этой тайной заботы авторов конституции, трудно объяснить ту внутреннюю фальшь и отталкивающее лицемерие, которым, без всякой казалась бы нужды, от начала до конца проникнут этот любопытный документ.

— :: —

Советская власть как известно делает свою последнюю ставку на военные союзы с некоторыми буржуазными государствами Европы..

Социальная база, на которой покоилась до последних лет политическая акция советского правительства и Коминтерна, в государствах Западной Европы была представлена исключительно коммунистическими партиями.

Эта база для нынешних целей Москвы оказалась явно недостаточной.

Отсюда сначала идея «единого фронта», объединявшего исключительно коммунистические и социалистические партии, а потом более широкая и откровенно безпринципная, с точки зрения правоверного марксизма, концепция «народного фронта», с участием интеллигентских кругов радикальной буржуазии и испытанных тяжелым экономическим кризисом, безотчетно сочувствующих всякому смелому новаторству, широких крестьянских масс и мелких торговцев.

Но эти слои все еще сохраняют традиционную верность принципам классического либерализма и парламентской демократии и отнюдь не сочувствуют ни диктатуре пролетариата, ни кровавым методам Москвы.

Чтобы ставка на них могла увенчаться

успехом, пришлось прибегнуть к довольно дичиному идеологическому маскараду как в Европе, так и в самой России. В Европе маскарад этот нашел наиболее яркое свое выражение в тех ура-патриотических выступлениях коммунистических партий, принесших в жертву политическим целям Москвы интересы национального рабочего движения, свидетелями которых мы являемся, а в Москве он вылился в форму октроированной «великим вождем мирового пролетариата» самой «демократической» в мире конституции.

Вовсе не случайность, что и в комментариях именитых теоретиков марксизма-сталинизма и в тошнотворных дифирамбах «родному, дорогому», несчастной советской мелюзги, привлеченной к «всенародному обсуждению» проекта, обязательно и неизменно подчеркивается этот ультра-демократический характер новой «сталинской» конституции.

«В то время как фашизм, защищая интересы капиталистов, удушает свободу, советская власть устанавливает всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. В то время как фашизм проповедует зоологический расизм, наш проект конституции поднимает знамя интернационального братства», — заявляют «Известия».

Что с того, что по существу ничего демократического в этой конституции нет, что наоборот многое в ней не только навеяно фашизмом, но и прямо заимствовано из фашистских законодательств?

Искусная пропаганда Москвы, из тактических соображений, наклеившей на нее «демократический» ярлык достигает своей цели.

Не только такие радикальные газеты как «Эвр» и «Эр Нувель», но и многие органы умеренной французской печати попались

на удочку и поверили на слово большевикам.

В нашу задачу сейчас не входит подробный анализ новой советской конституции. В следующем номере нашего журнала этой делу будет посвящена особая статья.

Чтобы сорвать маску с лица Москвы достаточно остановиться на нескольких наиболее эффектных статьях.

Первая же статья, гласящая «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян» — находится в явном противоречии с основным демократическим принципом народовластия, ибо исключает обширную массу граждан. Правда, в кажущемся противоречии с этой декларацией в 3-ей статье уже речь идет не только о рабочих и крестьянах, а о *трудящихся* города и деревни, а в главе XI, посвященной избирательной системе, ст. 134 гласит: выборы депутатов во все советы депутатов трудящихся... производятся на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании».

Противоречие однако только кажущееся. По существу СССР, как и прежде, остается не только классовым государством рабочих и крестьян, но и диктатурой коммунистической партии.

Новая конституция в этом отношении идет даже дальше своих двух предшественниц и впервые, в отличие от конституции 10 июля 1918 г. и 31 января 1924 г., под фактическую диктатуру партии подводит формально правовое основание.

Ст. 126 проекта гласит: «...наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в коммунистическую партию СССР... представляющую руководящее ядро

всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

А ст. 141 делает из руководящей партии единственного полноправного хозяина советской земли — ибо выборы депутатов во все органы государственного управления, начиная от сельских советов до Верховного Совета СССР, оказываются подчиненными партии, ибо только ей и контролируемым ею профессиональным и общественным организациям предоставляется право выставлять кандидатов.

Само собою разумеется, что никакой политической дискуссии, никакого свободного соревнования политических течений в СССР быть не может, ибо «в самой демократической в мире республике» никакая другая политическая партия, кроме коммунистической, легального права на существование не имеет.

В какой злобещий фарс превращаются при этих условиях «всеобщие, прямые, равные и тайные» выборы, говорить излишне.

Ст. 125 конституции дарует счастливым подданным Сталина ряд гражданских свобод: свободу печати, свободу собраний и т. д.

А как следует понимать эти «свободы» нам любезно объясняет «Правда» в номере от 22 июня:

«Свобода слова и печати, заявляет центральный орган всероссийской коммунистической партии, допускает самокритику, но устанавливается для укрепления социалистического строя». «Буржуазная и меньшевнико-эсеровская печать навсегда уничтожена в нашей стране». Ныне свобода устанавливается не для «уцелевших осколков буржуазии и ее агентов». «Тот, кто ставит своей задачей расшатать социалистический строй — тот враг народа. Он не получит ни клочка бумаги, не перешагнет порога типографии. Он не получит ни зала, ни комнаты, ни угла

для того, чтобы внести устными словами отраву».

Комментарий к этой декларации как будто не требуется.

В вопросе о свободе совести 124-ая статья новой конституции гарантирующая за всеми гражданами лишь «свободу отправления религиозных культов», делает решительный шаг назад по сравнению с конституцией 10 июля 1918 г., разрешавшей свободу религиозной пропаганды.

Что вышло из этого разрешения — это другая история...

После этих общих замечаний нас конечно больше всего интересует каково отношение новой конституции к национальному вопросу.

В этой именно части, как и следовало ожидать, особенно ярко сказались те тревожные настроения кремлевских владык, о которых мы говорили в начале статьи. Тайная воля советского законодателя елико возможно парализовать центробежные силы и ослабить власть национальных республик на местах проходит здесь красной нитью во всех статьях.

Довольно либеральная на вид структура Совета Национальностей и ряд статей, охраняющих права «независимых» и автономных республик никак не могут замаскировать того факта — самого примечательного на наш взгляд — что новая конституция ставит своей основной целью централизацию государственной власти в руках Москвы... Коренная реформа структуры и компетенции «общесоюзных» и «союзно-республиканских» комиссариатов, окрепших и расширившихся за счет комиссариатов «республиканских» (т. е. комиссариатов «независимых» и «автономных» республик) и централизация суда и

прокуратуры не оставляет на этот счет никаких сомнений.

Той же цели укрепления центра и ослабления власти национальных республик на периферии служит, связанное с весьма существенными территориальными переделами и разрушением широких национально-экономических объединений, возвышение в ранг «независимых» и автономных республик целого ряда национальных государственных образований. Так перестает существовать Закавказская федерация — Армения, Азербайджан и Грузия делаются «независимыми» республиками — превращаются в автономные республики в составе РСФСР области Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская...

В предыдущем номере нашего журнала говоря о «независимости Грузии» мы уже имели случай подчеркнуть стремление Москвы помешать тесному срастанию Закавказских республик и тяготеющих к ним республик народов Северного Кавказа.

Достаточно сопоставить статьи конституции 31 января 1924 года с соответствующим текстом новой конституции, чтобы увидеть, что фактическое подчинение «свободных и равноправных» советских республик Москве нашло теперь свое юридическое оформление в основном законе государства.

—::—

Каково же наше отношение к новому курсу советской внешней и внутренней политике и вызванной им к жизни новой конституции?

Оно определяется нашим отношением к советскому государству.

Мы отлично помним определение советского закона, данное тов. Крыленко.

Советский закон, заявил комиссар юстиции СССР, есть «отраженная в юридической

норме, охраняемая принудительной силой... воля рабочего класса и его партии».

Воля же русского рабочего класса и его партии, несмотря на все внешние и внутренние перемены, в отношении нашей родины и наших народов остается неизменной.

Она выражается в тех отношениях, которые установились между господствующей властью и нашими народами.

Отношения эти — отношения порабощенного к порабощенному, тюремщика к заключенному, палача к жертве.

Воле русского «рабочего класса и его партии» — мы противопоставляем нашу непоколебимую волю к освобождению нашей родины и ее независимости.

И те грозные потрясения, страхом которых продиктована новая советская конституция являются для нас благостной вестью, возвещающей избавление нашей родины от чужеземного ига и зарю освобождения и новой счастливой жизни всех порабощенных Москвою нерусских народов подневольного Советского Союза.

Гайдар Баммат.

P. S. Политические события в Европе несомненно оправдывают страхи Москвы. Австро-германское соглашение и переход Италии в лагерь ревизионистских государств наносит смертельный удар политике военного окружения Германии, которую, опираясь на свои союзы в Западной и Центральной Европе, пыталась практиковать Москва... Невозможны и другие сдвиги, способные внести глубокие изменения в дипломатическую карту юго-востока Европы. Создается новая ситуация, при которой перевес сил может оказаться не там, где их искала Москва...

Обо всем этом в следующий раз.

Г. Б.

О проливах

Через год после нарушения военных статей Версальского договора, Германия, 7-го марта этого года, заняла, как известно, своими войсками демилитаризованную рейнскую зону. Этот новый отказ от добровольно данных обязательств вызвал, среди прочих, недовольство также и у правительства Анкары. Отправляясь на экстренное заседание Совета Лиги Наций, г. Русту Арас, турецкий министр иностранных дел, не задумываясь заявил, что Балканская Антанта не упустит ни единого случая в деле содействия установлению безопасности в Европе. Однако, уже несколько дней спустя, когда г. Титулеско в Женеве обратился к представителям Малой и Балканской Антанты, призывая их подтвердить подобное же заявление, турецкий дипломат весьма сурово отчитал своего румынского коллегу. Дело в том, что банкротство локарнских государств и неудачный состав французского правительства глубоко его разочаровали. Вернувшись в Париж из Лондона, он чистосердечно в этом признался своим коллегам по Балканской Антанте, несколько не щадя Кэ д-Орсэ.

Почти в тот же день г. Измет Инюну, председатель совета министров Турции, освящая памятник в честь победы Кемала Ататюрка, воспользовался случаем для порицания государств, враждебных идее коллективной безопасности. Дело в том, что и премьер и его министр иностранных дел еще раз констатировали, что, строя в течение 18 лет свои сооружения на песке, пацифисты оказались лицом к лицу с Германией, поставившей им не юридическую проблему, а проблему силы; отсюда они сделали вывод, что

безопасность проливов, находящаяся, согласно Лозанскому договору под эгидой Лиги Наций и гарантией Англии, Франции, Италии и Японии, окажется столь же эфемерной, как и та другая, фигурирующая в Локарнском договоре, и что при этих условиях Турция должна рассчитывать исключительно на себя.

Г. Русту Арас сообщил 19 марта г. Идену и прочим членам Совета Лиги Наций что Турция будет усиленно добиваться права демилитаризации проливов. 11 апреля правительство Анкары обратилось с нотой по этому вопросу к четырем правительствам, гарантировавшим безопасность проливов, а также к тем, кто принимали участие в переговорах о конвенции 24 июля 1923 г. Этот документ, исчерпывающий и весьма суровый по отношению к государствам, не уважающим своих обязательств, приглашает начать переговоры для заключения в самый короткий срок соглашений, регламентирующих вопрос о проливах в условиях необходимых для безопасности турецкой территории и в духе наиболее благоприятном для развития коммерческой навигации между Средиземным и Черным морями».

Текст этого документа, а также и то, что нужно читать между строками, вновь оживляют доктрину, которая, оставаясь неизменной для турок, с тех пор как они не царят более единовластно в Черном море, представляет собою для восточных государств, в особенности для России, знаменитый Восточный Вопрос.

Отозвавшись с большой похвалой о процедуре, к которой прибегли турки, английский

ское министерство иностранных дел уточнило, что оно приняло к сведению заверение, данное министром иностранных дел Турции английскому послу в Анкаре, что *желаемый пересмотр коснется исключительно только военных статей договора.*

Есть много оснований опасаться, что это суживание вопроса не будет соответствовать целям, которых хочет достичь Турция, и что оно вернет вопрос к тому положению, на котором стояли приблизительно столетие тому назад.

Признаем, прежде всего, абсолютную корректность правительства Анкары, его верность принципу ничего не видоизменять односторонним действием в договорах и наконец законность его требований, по крайней мере в той части и так, как это интерпретировал Лондон.

Германия и прочие государства, действующие по ее примеру, слишком злоупотребили двусмысленным толкованием права пересмотра договоров, признанных Лигой Наций, и демилитаризация некоторых турецких зон слишком интимно связана с болгарскими и греческими территориями — для того, чтобы не следовало особо подчеркнуть этот факт. В противоречие толкованию Берлина, воспринятому с особой нервностью Венгрией, пересмотр, допускаемый Лигой Наций, не предвидит отнюдь изменения границ. Она допускает только изучение возникших трудностей и недоразумений, которые могут быть разрешены путем добровольного соглашения всеми государствами, в том числе и заинтересованными сторонами — отсюда и условие «сине ква нон» об единодушном голосовании.

Цель Лиги Наций, выраженная в статье 10 Пакта, формально гласит, что она требует соблюдения неприкосновенности про-

тив всякого внешнего насилия территориальной и политической независимости для всех входящих в нее членов. Она таким образом в самой своей основе является орудием консерватизма. Статья 19, дающая право, но не обязывающая Лигу Наций предлагать своим членам новый пересмотр договоров, уже отживших, дальнейшее применение которых угрожало бы всеобщему миру, — имела единственную цель, а именно заранее установить процедуру в случае противоречивых столкновений, всегда возможных в собрании 52-х наций. Однако предвиделось еще и то, чтобы конфликты, поддежавшие арбитражу, были такого характера, который допускал бы возможность соглашений и, как мы уже указывали выше, решение принято было бы только единогласным голосованием. Одно только это последнее условие уже доказывает, что вопрос может идти только о таких изменениях, которые ни в чем не затрагивают ни основного статута Европы, ни политического суверенитета государств.

Следует признать, что турецкое требование пересмотра в том виде, как оно предъявлено, вполне и в точности соответствует букве и духу статей 10 и 19 Пакта Лиги Наций и должно было быть единогласно принято.

Но в момент обсуждения, не выдвинули турецкое правительство новых претензий, имеющих целью заменить установленный в 1923 году режим интернационализации режимом одностороннего закрытия, чего периодически всегда добивалась старая Блистательная Порта и чего хочет Россия, для которой это зло является злом наименьшим?

—:—

По теории, модной в настоящее время, считается, что вопрос о проливах существует со времен начала греко-латинской диви-

лязации. Поход за Золотым Руном, как и Троянская война, ничто иное якобы как эпизоды войн, предпринятых для овладения проходами, соединяющими Черное и Средиземное моря.

Считаясь с данными истории современной, вопрос о проливах встал в тот момент, когда Турция перестала единолично доминировать на берегах Азова и Черного моря.

Как только Петр Великий спустил в Азове свой первый военный корабль «Крепость», он тотчас же отправил его со своим думским дьяком Емельяном Украинцовым в Константинополь. Миссия этого первого русского посла в Турции была заключить мирный договор, по которому русский флот получил бы право свободной навигации между Таганрогом и Константинополем. После 7-месячных переговоров личный секретарь Султана Александр Мавро-Кордато опубликовал 29 апреля 1700 г. декларацию, в которой признавал невозможным выполнение желания Царя, т. е. «Черное море носит у турок название девственности, чистой и неприкосновенной, никто следовательно не имел права доступа к нему и навигация запрещена всякому иностранному кораблю».

Через сорок лет, Белградским договором 18 сентября 1739 года Турция воспретила России держать или строить флот на Азовском или Черном морях и приглашала ее пользоваться для коммерции своей судами, принадлежавшими османским подданным.

Только в 1774 году Кучуб-Кайварджийский договор дал русским и прочим судам торгового флота право прохода через проливы. Было также оговорено, что по примеру военного флота Франции и Англии, военные суда России получали право прохода через Дарданеллы до Константинополя, без

права однако же захода в Босфор. Закрепляя за Россией обладание Крымом, Ясский договор 1792 года превращал Черное море «во внутренний двор русского дома, воротами которого были проливы».

С этого момента и возник важный вопрос: кто будет обладателем ключей?

К этому моменту и надо приурочить начало противоречивой политики Петербурга: той, которая имела целью завоевание проливов силой и той, которая предусматривала соглашение с турками из боязни увидеть на их месте иное могущественное государство. Эта проблема хронически выдвигалась перед министерствами иностранных дел за весь период, начиная с Александра I и до Николая II и с одинаковым результатом, вплоть до 1915 г., когда решение Англии атаковать Дарданеллы заставило русское правительство предъявить права России, как единственной наследницы Султанов.

Первый известный рапорт, а именно графа Виктора Кочубея, императору Александру I в 1802 году, указывал на то, что надлежит принять одно из двух решений: либо ускорить конец Турции и совершить дележ добычи с Австрией и Францией, либо принять меры для пресечения ее раздробления.

Автор меморандума советовал принять последнюю альтернативу; по его мнению турки были такими спокойными соседями, лучше которых нельзя было и найти, — и сохранение этой слабой державы в роли хозяина проливов должно было быть основным правилом императорской политики. Именно этой политики и держались с тех пор, хотя она и была антинациональна и в полном противоречии с верой и традициями русского народа. Политика эта в полном противоречии была и с приемами Екатерины II, ко-

торая преследовала прямую цель уничтожения Оттоманской Империи и приучила христиан Ближнего Востока, родственных России по религии и расе, смотреть на русское правительство, как на своего спасителя и защитника.

Император Павел I, наоборот, сделался союзником, защитником и другом Султана. Александр I напоминал своему послу в Вене графу Разумовскому, что одной из баз его политической системы будет всегда содействовать всеми мерами сохранению Оттоманской Империи, слабость и плохая администрация которой являлись серьезным залогом безопасности.

Мы не пустимся здесь в обсуждение вопроса, не служит ли слабое государство поводом для борьбы за него государств сильных, борьбы за преобладание влияния сильного над слабым. Таково во всяком случае было положение Турции, систематически доминируемой одной из иностранных держав — Россией, Францией, Англией, или союзом двух последних, вплоть до начала столетия, когда их заменила Германия.

Возвращаясь к событиям, заметим, что Султан, напуганный экспедицией генерала Бонапарта в Египет, обратился за помощью к Павлу I-му. По русско-турецкому договору 23 декабря 1798 г. Россия снабдила Турцию 12 судами военного флота и получила взамен право свободного прохода русского флота из Черного в Средиземное море и обратно. Соединенными действиями двух флотов, русского и турецкого, удалось добиться эвакуации Францией Ионического архипелага, где была учреждена «Республика семи островов», под протекторатом России, по платящей подати Турции.

По просьбе Султана этот договор был возобновлен еще на 9 лет в 1805 г. Турция

брала на себя обязательство не вступать в союз с Францией, а наоборот заключить союз против нее, если Россия и Англия ей это предложат. Россия получала право интервенции для облегчения участи христианских подданных Оттоманской Империи. Но в особенности Султан брал на себя обязательство запереть вход в Черное море военным судам прочих держав, даже воспрепятствовать им вход в Босфор, как это попытались сделать лорд Элжин и Нельсон; наконец, он соглашался признать, что *Черное море принадлежало совместно Турции и России* и что им обоим надлежало сделать все возможное, чтобы помешать судам иностранных держав проникать в Черное море.

Этот договор был личным детищем Султана. Политические деятели, чиновники всех рангов, янычары и улемы энергично протестовали против внедрения москвитов. В результате достаточно было чтобы провесся слух о битве Аустерлица, чтобы Диван, по совету агентов Франции, внезапно отказал судам русского военного флота в праве прохода из Черного в Средиземное море. Турецкое правительство доказывало, что оно дало согласие на таковой проход только в том случае, если суда эти шли драться с французами на Ионические острова. В виду того, мол, что острова эти эвакуированы, обязательство пропуска отпадает. В результате этого отказа Россия заняла Молдавию 6 октября 1806 г. Кампания эта закончилась через 9 месяцев Тильзитским миром. Наполеон оговорил эвакуацию Тенедоса русскими и возвращение Турции захваченных судов; что касается проливов, они попрежнему оставались закрытыми для русского военного флота.

В истории проливов памятной датой служит появление английского флота в Констан-

тинополе в марте 1807 года. Генерал Себастьяни, посол Наполеона, сумел поддержать мужество Блистательной Порты. Он организовал защиту Константинополя, и адмиралу Дакворту пришлось удалиться. Памятуя этот инцидент, турецкое правительство, подписывая через два года мирный договор с Англией 5 января 1809 года, не преминуло включить статью о закрытии Босфора и Дарданелл «согласно старому правилу Оттоманской Империи». Впервые эта декларация фигурировала в международном акте. До тех пор закрытие или открытие проливов было мерой внутренней администрации, не касавшейся ни в чем суверенитета Султана. Превращая эту регламентацию в англо-турецкое соглашение, Султан тем самым суживал свои суверенные права, тем более что британское правительство согласилось подчиниться «старому правилу Оттоманской Империи» лишь постольку, поскольку оно соблюдалось бы всеми другими державами. Таким образом, мало по малу, это обязательство сделалось солидарным международным обязательством.

Как только Россия узнала о новом договоре, она тотчас же потребовала от Турции сохранения права прохода для русского военного флота. В ответ на это она получила объявление войны. Россия не выставила однако этой претензии при заключении Бухарестского мира 16 мая 1812 года, который отдавал ей Бессарабию до Прута.

Адрианопольский договор 2/14 сентября 1829 года также умалчивает об этом вопросе; по новому договору однако Россия получила устья Дуная, при чем подтверждался свободный проход проливов для коммерческих флотов всех государств.

Мы дошли теперь до момента заключения знаменитого договора Хункер-Искелеси 7 июля 1833 года. Победоносное восстание

египетского паши Махмеда Али очень озаботило Николая I: он не мог остаться равнодушным к перспективе захвата Константинополя этим властным и активным честолюбцем. В Петербурге был создан секретный комитет по Восточным Делах, в заседании 4-го сентября 1829 г. (с. с.) одобривший меморандум графа Дмитрия Дашкова, который высказывался по примеру Виктора Кочубея в 1802 г. за сохранение Оттоманской Империи, как зла наименьшего. В результате этого решения в Константинополь отправлен был граф Орлов со специальной миссией убедить Порту отнестись с абсолютным доверием к Императору Николаю I и полностью разъяснить и доказать, что вся деятельность России в турецких делах имела единственной целью сохранение Оттоманской Империи.

Султан Махмуд опередил желание Царя, — в первой же аудиенции Орлову он заявил о своем страстном желании союза с Россией. Однако же, члены Императорского Дивана, как и все, впрочем, турки, продолжали относиться с полным недоверием ко всему, что шло из России. Внезапное появление английского флота в Тенедосе сразу сломало эту оппозицию. По просьбе Блистательной Порты русская эскадра вошла в Босфор, и 5.000 солдат высадились в Унгер Искелеси, где и был подписан 26 июня (7 июля) 1833 г. договор, носящий это название. По этому договору Россия брала на себя обязательство защиты Константинополя против Мехмеда Али Паши; она получала взамен открытие проливов для русского военного флота и абсолютное закрытие их для военных флотов прочих государств. Тщетно Султан пытался оградить свои суверенные права, настаивая на праве закрытия проливов только тому из иностранных флотов, ко-

торый он будет считать враждебным в тот или иной момент. Орлов потребовал полного закрытия. В ответ на это, в виде протеста, английский и французский флоты подошли к Тенедосу; но по совету русского посла Бутенева, действовавшего в свою очередь по указаниям Орлова, который в то время был в Одессе, Блистательная Порта проявила твердость, и оба флота удалились.

Но Англия не допустила аннулирования прав, которые были ей даны договором 1809 года. Когда в 1833 году русская балтийская эскадра прошла через Босфор, направляясь в Черное море, лорд Пальмерстон заявил послу Султана в Лондоне, что английский флот впредь будет пользоваться теми же точно правами, которые были даны по договору 1809 года. Вместе с тем, через 2 года Султан запретил одному военному кораблю Соединенных Штатов право прохода через Дарданеллы.

Хотя Николай I, желая внушить к себе полное доверие турок, немедленно отозвал из Константинополя свой флот и войска как только Мехмед Али Паша обязался удалиться за Тавр, подозрения турок против России проявлялись все более и более сильно. Николай I видел невозможность возобновления пользования привилегиями, полученными по договору; тем не менее он оставался верен принципу сохранения Османской Империи, подобно и другой державе — Австрии. Он всецело разделял мнение князя Меттерниха: «Если мы хотим видеть существование Порты, оставим ее в покое». Но спокойствие это можно было получить исключительно только уничтожив те поводы, которые выдвигали прочие державы, чтобы оказывать давление на Турцию из за проливов. Единственный способ был фактически упразднить суверенные права Султана. Вот почему, принося в

жертву свои собственные привилегии, которые давали ему право свободного прохода, император Николай предложил всем державам признать неприкосновенность суверенных прав Султана на проливы, но сами проливы отдать под коллективную гарантию блока держав. Таким образом создавалось взаимное обязательство Султана и блока держав. Этот принцип неделимого и солидарного обязательства между шестью государствами и лег в основу Лондонского соглашения, подписанного 13 июля 1841 г. Турцией, Австрией, Францией, Англией, Пруссией и Россией. Согласно этому договору, никто впредь не являлся хозяином пресловутого «ключа от дома» — ни Англия, как в 1809 году, ни Россия, как в 1833 году, и соблюдать это обязались не только по отношению к Блистательной Порте, но и всех контрагентов. Согласно Англии повятно, если вспомнить, что этим договором она избавлялась от дилеммы поднятой еще старым Веллингтоном. Когда его попросили в 1835 году высказать мнение о предложении императора Николая, он сказал: «Раз Россия желает запретить — запрет: дело идет о местах слишком отдаленных от наших сил, а Россия находится бог-о-бог».

Тем временем Россия, по своему обыкновению или принуждаемая быть может своим географическим положением, перешла к актам силы и создала в Черном море могущественный флот. Австро-Венгерский канцлер заметил тогда князю Горчакову: «Я не понимаю цели вашего сильнейшего флота, который, вы держите в Черном море. Согласно договорам Черное море является запертым озером, это тюрьма для ваших кораблей и тем не менее они служат вечной угрозой против Турции и поводом вечной подозрительности для Европы. Раз вы не имете в виду

угрожать существованию Турции, какой смысл вам содержать этот флот без всякого назначения?».

Князь Горчаков ограничился ответом, что право решений принадлежит одному императору. Это было мало убедительно для Англии и Франции, отнюдь не хотевших видеть Турцию, доминируемую Россией, и русский флот в Средиземном море.

Последствием этого была Крымская война, начатая под вымышленным предлогом, касавшимся Святых Мест.

Факт почти единственный в своем роде: во время войны в Вене собрался конгресс, на котором присутствовали делегаты вою-

ющих держав, а также представители Австрии и (на короткий срок) Пруссии. Цель этого конгресса было предотвращение мировой войны. Были подвергнуты изучению знаменитые «Четыре Пункта»: 1. Гарантия всех государств в защите христиан Турции; 2. Протекторат держав княжествам Молдавии, Валахии и Сербии; 3. Аннулирование или пересмотр договора 1841 г.; 4. Свобода плавания по Дунаю. Целью пересмотра являлось желание ближе связать существование Турецкой Империи с *европейским равновесием держав* и положить конец господству России в Черном море.

Д. Милль.

(Продолжение следует).

Москва и Тифлис

Потерпев неудачу в 1920 году в своем походе на Грузию, большевики однако не оставили своей мысли твердо стать ногою в Закавказье. Азербайджан и почти вся Армения были уже в их руках; в последней еще держался Зангезур.

Усыпив Грузию заключенным с ней миром, покончив с Врангелем и добившись мира с Польшей, большевики стали деятельно готовиться к войне с Грузией. В Азербайджане и Армении стала сосредотачиваться 11-ая армия Геккера, а 8 и 9 армии на Северном Кавказе. Геккер должен был первым начать наступление, а затем части 8 и 9 армий должны были ринуться с севера через перевалы Кавказского хребта и вдоль Черноморского побережья.

Одвой из иностранных миссий осенью

1920 года была доставлена грузинскому генеральному штабу и штабу народной гвардии копия доклада Геккера в ответ на запрос Москвы. В этом докладе Геккер указывал, что ему необходимо для войны с Грузией, как в отношении количества войск, так и в политическом отношении. Он требовал не менее 35.000 штыков и нейтралитета Турции.

Опять обстановка благоприятствовала Грузии. Она неопровержимо знала действительные намерения своего врага, количество предназначаемых для атаки войск, а также желание Москвы иметь нейтралитет Турции.

Казалось бы, чего же лучше? Раз Москва решила войну, то и нужно было не закрывать глаз, а готовиться к ней.

Я несколько остановлюсь на докладе Геккера. Он требовал нейтралитета Турции,

дабы иметь против себя лишь изолированную Грузию; иметь против себя и Турцию большевикам было не под силу.

Этого не трудно было достичь, ибо Муштафа Кемаль паша лихорадочно готовился к войне с Грецией. Но все же большевикам не удалось достичь полного нейтралитета Турции. Она все же вмешалась, и в этом помогли мы. Мы послали в Турцию миссию со специальной целью, а именно, просить ее помощи. Турция очень искусно использовала положение и получила от нас часть Аджарии и с нашего разрешения ввела свои войска даже в Батум. Военное командование получило еще один сюрприз; в Батуме, крепости, этом последнем оплоте в борьбе с большевиками, в этой последней базе, в своем тылу оказались турки, будущие союзники большевиков. Аккредитованный при нашем правительстве Кязим-бей, накануне отъезда из Батума нашего правительства уже заготовил прокламацию к местному населению, где объявлял о присоединении Батума к Турции и о разоружении находившихся там всяких военных организаций*).

Но его план благовременно был раз-

*) В начале 1918 г. Турция находилась на перепутьи между ориентацией на Европу и советскую Россию. Две делегации, одна в Лондоне, под председательством Бекир Самии бей, другая в Москве, во главе с Али Фуад пашей, имели целью выяснить обстановку и дать правительству Большого Национального Собрания необходимые элементы для принятия окончательного решения. Был момент когда казалось, что Лондон способен понять все безумие греческой авантюры в Малой Азии и, ликвидировав ее, вернуться в отношении Турции к традиционной политике Пальмарстона и Биконсфильда. В связи с этим и в Анкаре, в те дни, чаша весов скло-

гадал военным командованием. Видя, что наше правительство вступило в мирные переговоры с большевиками и выслало в Самтреди миссию под председательством Григория Лордкипанидзе, военное командование учло обстановку и дабы не дать возможности туркам захватить Батум силой, быстро сосредоточило в Батуме дивизию ген. Артмеладзе, две конных сотни и несколько батарей. Войска заняли батумские формы, а туркам был предоставлен равнинный, почти не имеющий военного значения форт Борцхана.

Войска были предупреждены о возможности столкновения с турками. Военные действия между турками и Грузинами начались в ночь с 17 на 18 марта*) захватом турка-

нялась на сторону друзей европейской ориентации... Русско-грузинская война совпала с моментом этих переговоров. Во все время военных действий Турция соблюдала в отношении Грузии больше чем дружественный нейтралитет... Отмеченное автором появление на улицах Батума военных турецких патрулей было конечно не случайностью, как не была неожиданностью для правительства и прокламация Казим бей о присоединении Батума к Турции. (Не знал о ней разве только Е. П. Гегечкори, только что прибывший из Европы и может быть не поставленный г.г. Г. Лордкипанидзе и Н. Рамшвили в курс соответствующих переговоров). Последующий вольтфас меньшевизского правительства и совершенно невероятный факт, что о готовившейся передаче Батума Турции не был осведомлен главнокомандующий — свидетельствует только о печальном политическом и моральном уровне этого правительства.

Ред.

*) В это время грузинское правительство погрузилось уже на пароход, образова-

ми здания почты и телеграфа, причем были убиты 2 грузинских офицера. Как известно попытка Казим-бея силой захватить Батум не удалась и Батум остался в пределах Грузии.

Таким образом наша дипломатическая игра с Турцией закончилась тем, что Грузия потеряла часть Аджарии и чуть не потеряла и Батумский порт.

Теперь остановимся на той части доклада Геккера, где он требовал для своей атаки с востока 35.000 штыков.

Как известно многочисленная большевицкая миссия расположилась в Тифлисе с осени 1920 года, и военный агент миссии ген. Сытин тотчас же разставил сеть своих агентов. Ему не трудно было собрать сведения о дислокации наших войск, как гвардии, так и армии, узнать их организацию, мобилизацию, готовность к войне и пр. Все эти сведения и легли в основание доклада Геккера.

А вот почему этому последнему требовалось только 35.000 штыков для овладения Грузией.

Наши вооруженные силы состояли из 12 батальонов армии и из 22-23 батальонов гвардии с далеко не соответствующей артиллерией, кавалерией и техническими войсками.

Армейские батальоны разворачивались в 12 полков, 3-х бат. состава; батальоны были 3-х ротные; а всего 36 бат. Гвардия давала 22-23 бат. четырехротного состава.

Армия таким образом давала 18-20 тысяч штыков, гвардия 14-15 тыс. штыков, т.е.

ся Военно-Революционный Комитет, во главе с выпущенным из тюрьмы советским подпредом Шейнманом и грузинские войска были переданы в распоряжение этого Комитета. *Ред.*

всего мы могли выставить 32-35 тысяч штыков.

В нашу мобилизованную армию по нашей неудачной организации мы не могли вместить больше людей. А между тем Грузия могла мобилизовать не менее 150.000 человек. Геккеру не трудно было подсчитать, что на нашей восточной границе, где он собирался нас атаковать, мы не могли бы выставить, из общего числа 35.000 штыков, больше половины и ни в коем случае не больше $\frac{2}{3}$, т.е. 21-23 тысячи штыков, принимая во внимание и другие направления. Да и то в том случае, если бы полки, расположенные в Ардагане, Ахалкалаках и Ахалцихи, т.е. 9 батальонов успели мобилизоваться и прибыть на нашу восточную границу до начала военных действий. И таким образом Геккер своими 35.000 штыков достигал во всяком случае полуторного, а вернее, двойного превосходства в силах. Наша неготовность к войне, конечно, не исчерпывалась перечисленным. Политически мы оказались, как и в 1920 г., изолированными.

Еще в апреле 1920 г., в Сан-Ремо, Антанта, в лице Англии, благодаря нашей непримиримости, (знаменитое «ан тут проприете»), предоставила нас своей участи.

В мае того же года, во время разыгравшейся нашей с большевиками войны, несмотря на то, что мы изгнали вторгшихся в Грузию большевиков из наших пределов и уже их преследовали, мы не пришли на помощь нашим соседям, Армении, Азербайджану и горцам, только что захваченным большевиками и несомненно страстно ожидавшим прихода наших войск.

Напротив, остановив войну и заключив мир с большевиками, мы предоставили наших соседей собственной участи и разбили их надежды и веру в нас.

Затем мы не использовали недовольства населения этих стран, не организовали там нашей разведки и ничего не сделали для подготовки восстания в этих государствах в случае возможного нашего столкновения с большевиками.

Драгоценная для нас, в этих обстоятельствах, продолжавшаяся борьба армян с большевиками в Зангезуре совершенно не привлекла нашего внимания.

Итак, политически, мы опять промахнулись, отказавшись от поддержки Антанты (Сан-Ремо), а неумелая политика с нашими соседями привела нас к нашей полной изолированности и чуть не заставила потерять и Батум. В военном отношении, кроме нашей неудачной организации войск, когда главная масса призванного по мобилизации населения не могла найти для себя применения; кроме нашего неумелого плана мобилизации, когда мобилизуемые войска в Батуме, Ахалкалахе и даже в Ардагане должны были получать вооружение, обмундирование и пр., в Тифлисе, я укажу еще на то, что опять, как и в 1920 году, плана обороны страны составлено не было.

Остальные наши недочеты указаны ген. Одишелдидзе в его воспоминаниях, печатающихся на страницах «Кавказа».

Но особенно примечательна в этих воспоминаниях та психологическая обстановка, которая создавалась во взаимоотношениях между правительством и военным ведомством, когда любой и совершенно не компетентный в военном деле член правительства мог доказать, и очень легко, ошибочность требований генерала Одишелдидзе, не лишенного и высшего военного образования и умудренного опытом и русско-японской и последней европейской войн.

Большевики, напротив, поступили иначе.

Они обезпечили себе нейтралитет Турции. Они сосредоточили в течение 8 месяцев на наших северной, восточной и юго-восточной границах превосходные силы. Затем они искусно использовали создавшуюся в Борчалинском уезде обстановку. Южная часть Борчалинщины считалась после грузино-армянской войны 1918 года, спорной. Когда в 1920 году большевики атаковали Армению и Грузию, мы, выгнав большевиков из наших пределов, осенью 1920 года заняли нашими войсками вышеуказанную спорную полосу. Несомненно, этот факт не мог поправиться ни местному армянскому населению, ни правительству Армении и особенно новому русско-большевицкому. Большевики учли эту обстановку и война началась с того, что в ночь с 11 на 12 февраля местное население поддержанное большевицкими войсками атаковало наши войска, кстати сказать, весьма разбросанно расположенные в этом районе.

Началась война и над Грузией разразилась трагедия.

Так создавалась печальная обстановка, в которую попала Грузия перед войной с большевиками в 1921 году.

Конечно, не только перечисленные в этой статье, а также указанные в воспоминаниях ген. Одишелдидзе, причины оказались для нас трагическими. Были и другие. Например, я не касаюсь внутреннего положения Грузии, где население вели за теми же лозунгами, с какими именно и шел на нас наш враг, как не касаюсь всех отраслей государственного управления и, вообще, народной жизни.

Мы, конечно, не готовились к войне с большевиками, ни политически, ни в военном отношении, ни экономически, ни в смысле внутренней политики и пропаганды для утверждения в народе здоровых, национальных идей.

За три года нашей самостоятельности мы так и не выбрали между европейской буржуазией, европейской национальной государственностью и московской диктатурой пролетариата. Здесь в нашей эмигрантской временной печати я с удивлением прочитал (некоторые политические деятели утверждали и утверждают), что, оказывается, главной причиной нашего поражения было то, что Англия, заключая с Москвой торговый договор, продала нас большевикам; будто Ллойд-Джордж сказал Красину, что Англия не заинтересована в Закавказских государствах, и этим якобы дала свое согласие на покорение этих республик.

Что и говорить — обвинение смелое.

Конечно, ни Ллойд-Джордж, ни Англия никогда не собирались и не соберутся опровергать то, что пишется в нашей эмигрантской печати досужий политик.

Итак, большевики будто бы с «разрешения» Англии ринулись на Закавказские республики.

Ну, а если бы Англия не разрешила большевикам, как вы думаете, дорогой читатель, послушались бы их большевики?

Ведь, кажется, Англия и вся Антанта были весьма заинтересованы в русском «белом» движении и помогали русским военачальникам. Однако это не помешало большевикам воевать с Деникиным, Юденичем, Колчаком и Врангелем. Да и на Польшу они бросились, вероятно, без «разрешения».

Нет, очевидно, дело не в этом «разре-

шении» или «запрещении», а в чем то другом. Да ведь и фактическая сторона неверна. Пребывание английских войск в Батуме до июля 1920 года не помешало большевикам атаковать Грузию еще 2 мая того же года. И если наступление большевиков оказалось бы успешным и мы оказались бы в Батуме, то чтобы тогда случилось?

Ушли ли бы англичане из Батума и кому они передали бы Батум? Большевикам или Турции?

Нет, не «разрешение» Ллойд-Джорджа побудило большевиков напасть на Закавказские республики, а нечто другое.

Это были причины более веские.

Это были причины политические, экономические, военные и социальные; те же, что их побудили броситься на Польшу и прибалтийские лимитрофы.

А потом очень интересны даты некоторых событий.

Англо-большевицкий торговый договор подписан 16 марта 1921 г., т. е. за два дня до того, когда правительство Грузии покинуло Батум.

Кроме того, большевики двинулись на Баку в конце апреля 1920 года, т. е. за год до заключения пресловутого торгового договора, и когда Грузия была уже признана «де-факто» и при грузинском правительстве были аккредитованы, в числе представительств европейских держав, также и английские, г. Уордропи и полковник Стокс.

Г. Квинтадзе.

Проблема очага и семьи в С.С.С.Р.

*(«Кавказ» начинает с настоящего номера, печатание перевода статьи нашего друга подписывающегося *** в известном французском журнале «Ревю де дэ Монд» (ном. от 1-го мая 1936 г. этого журнала).*

1935-ый год ознаменовал собой ряд перемен во внутренней политике советов, как то: упразднение системы карточек и восстановление свободной торговли; уравнивание в правах различных категорий граждан; некоторое ослабление суровостей коллективизации предоставлением колхозникам земли и скота для их индивидуального пользования; восстановление чинов в армии и пр. Наконец, замечается некоторая реакция против начал, коими большевики до сих пор регулировали жизнь семейного очага и коими они инспирировались в деле воспитания юношества.

Находимся ли мы перед настоящей эволюцией, приближающей СССР к странам с демократическим режимом, как хотят нас уверить некоторые круги? Было бы несвоевременно подтвердить это. Колебания советских заправил стать на этот путь новшеств; длинные объяснения официального и официозног характера, даваемые ими для доказательства того, что эти реформы находятся в совершеннейшем соответствии с марксистско-ленинским евангелием; объяснения, сопутствуемые жесточайшей очередной критикой против буржуазно - капиталистического мира; сверх того, поверхностный характер, самих реформ — все это наводит на мысль, что показное «обуржуазивание» советов не знаменует собой какой бы то ни было глубокой перемены в идеологии русского

большевизма. Марксизм продолжает быть официальной доктриной «пролетарского государства».

Истина заключается в том, что после 18-летнего царствования, большевизмские шифы начинают замечать всю трудность проведения в жизнь демагогической программы, объявленной ими в момент революции 1917 года и начала военного коммунизма. Более и более они дают себе отчет в том, что не так то легко разрушить старые основы, на которых держится человечество, и реконструировать общество без учета императивных условий жизни и чувств глубоко укорененных в человеческой душе.

Эта истина постепенно выясняется и становится очевидной, особенно если проследить проблему очага и юношества. Все что касается этой проблемы, крайне беспокоит советских заправил. Советская пресса не перестает кричать «караул», регистрируя печальные факты, которые показывают, насколько семейная жизнь в России разстроена режимом. Но перед этой проблемой Советы колеблются, торгуются, употребляя лишь паллиативы, которые не помогают, но не смеют предпринимать радикальных реформ.

Советский брак.

Зло заключается прежде всего в той неустойчивости семьи, созданной большевиками с момента их победы, которая должна была явиться каким то «революционным вызовом» по адресу старого мира. Правила, регулирующие семейную жизнь советских граждан по пресловутому «статуту семьи», установленному в 1918 году Лениным, заключаются в следующем: упразднение «привиле-

гий, созданных мужчинами для себя по отношению к женщинам», ослабление «авторитета церкви над семьей и такового родителей над их детьми»; в то же время — «усиление контроля государства над властью родителей» и «протекция государством более слабых элементов в лоне семьи». Религиозный брак упразднен, государство признавало юридически лишь гражданский брак; да и этот брак был упрощен большевиками до простой декларации перед специальным органом ЗАГС (зарегистрирование актов гражданского состояния). Но процедура развода упрощена еще больше: брак считается порванным с момента объявления одной из сторон — мужа или жены — о том, что она рвет с другой. Безполезно уже узнать мнение заинтересованной стороны; очень часто действуют даже *помимо нег*. В ЗАГС-е не спрашивают даже мотивов развода. Мы находимся в «стране, где никто не заставляет людей находиться в состоянии насильственного брака» и которая «не знает этих подлых процессов развода»^{*)}. Что заставляет сказать одного из советских писателей: «У нас, жениться вещь очень легкая, но развестись еще легче. Откровенно говоря, у нас развестись легче, чем заполнить дворовую книгу, чем добыться каких-нибудь справок, или повести нефть на дачу. И, конечно, люди злоупотребляют этой легкостью»^{**}).

«Крокодил», советский сатирический журнал, описывает так колебания одной московской ракетки перед входом в парикмахерскую: «Завьюсь я на полгода, а вдруг следующему мужу (№ 2) не понравится? 3 месяца злиться будет (до № 3-го)».

Можно себе представить всю шаткость такого брака, разрыв которого зависит от тысячи мелких причин: какое-нибудь замечание, незначительная семейная сценка, маленький каприз женщины, плохое настроение мужчины, материальные вопросы и пр. и пр. «Правда» приводит пример одной новобрачной, которая только что зарегистрировав свой брак в ЗАГС-е, при выходе поспорила со своим «мужем» и сейчас же вошла обратно в это учреждение, дабы аннулировать свой брак. По советским газетам, в 1934 г. в Москве на 100 браков насчитывалось 37 разводов, и за первые 5 месяцев 1935 г. процент разводов доходил до 38,5; в мае же процент этот доходил уже до 44,3, — 2.040 разводов на 4.381 брак^{*)}.

К счастью, среди значительной части населения, смысл брака, завещанный «старыми», еще сохранился и, несмотря на коммунистическую пропаганду, религиозный брак насчитывает много адептов; это дает повод «Известиям» заявить меланхолично: «Весьма часто, после регистрации брака в деревенском ЗАГС-е новобрачные идут затем жениться в церковь^{**})». Это положение сохранено главным образом в так называемых «национальных» республиках, а также в отдаленных провинциях России, находящихся вдали от больших городов. Бывают также случаи, когда чета, совершившая брак по религиозному обряду, не хочет «зарегистрировать» его в ЗАГС-е. В 1927 году советская власть была вынуждена внести некоторые изменения в семейный статут, и признать «фактический» брак, если бы даже он не был «зарегистрирован». Эта уступка имеет сле-

*) «Правда», 26 июня 1935.

***) «Правда», 7 июня 1935.

*) «Известия», 4 июля 1935.

***) № от 17 апреля 1935. Газета при-

дующее неудобство: она не делает никакого различия между фактическим браком, совершенным по религиозному обряду, и простым сожительством. Чтобы различать состояние брака от случайной связи, необходимо или заявление чety или же решение суда, которое основывается на фактических данных: совместное сожительство, материальная общность, «внешние признаки» совместного сожительства и пр.

Можно догадываться, насколько эта легисляция дает повод к разным недоразумениям, к невыясненным положениям и к... распущенности. ЗАГС, производя «регистрацию», довольствуется лишь сведениями о совершеннолетних и обоюдном согласии. Он не ставит никаких вопросов относительно прошлого брачующихся; таким образом, если бы даже оказалось, что брачующиеся или кто-нибудь из них был уже до этого женат или замужем, что они — близкие родственники, что их брак носит все признаки кровосмешения, ЗАГС не может отказать в регистрации. Советское законодательство ведет себя довольно странно и по отношению к двоеженству. Мы прочли недавно с некоторым удивлением одну статью в «Известиях», где высшему суду РСФСР присваивается такого рода постановление относительно одного «брачного дела»: «Констатирование судом того факта, что жалобщик заключил брачную связь в момент, когда он находился в такой же связи с другой особой, не может быть рассматриваемо как акт двоеженства»*).

Недавно «Правда» выступала против злоупотреблений, которым советское законодательство о браке дает место. Но, следуя своей привычке, орган большевицкой партии возлагал ответственность за эти злоупотре-

бления на «буржуазные тенденции» некоторых «сознательных пролетариев»**). Однако среди тех кои сохраняют эти «буржуазные концепции», не мало высших советских чиновников. «Правда Востока»***) приводит случай одного прокурора, который был женат 4 раза, скрывая это от ЗАГС-а в момент «регистрации» своих новых браков. Недавно советская пресса отмечала случай одного важного советского вельможи, члена партии Мирзоева, который насчитывал 36 браков. Привлеченный к суду, во время судебного разбирательства этот советский муж не мог вспомнить имен некоторых из своих супругов. Для него они были лишь номерами, и он обозначал их так: номер первый, номер второй, номер третий и т. д.

Следующий анекдот, приводимый газ. «За Индустриализацию»*) показывает с какой легкостью третируют в СССР семейный вопрос. Муж и жена работают оба на одном заводе; вдруг предлагают жене выехать в другой город, куда она переводится по службе. Она отказывается, заявляя, что не может развестись со своим мужем. Ее немедленно увольняют и на ее советования директор отвечает: «Муж не должен быть препятствием для вас. Там, куда вас переводят, вы найдете себе не одного, а 20 мужей».

Нужно добавить, что легкость, с которой женятся в СССР, фаворизует фиктивные браки, заключаемые для обхода разных правил, коими изобилует страна советов. Надолго, например, получить разрешение на жительство в определенном городе, или право на «угол», советский пройдоха не остановится перед тем, чтобы ухаживать за женщиной или

***) № от 26 июня 1935.

****) № от 14 января 1936.

*) № от 16 сентября 1935.

*) № от 4 июля 1935.

девушкой, у которых есть готовая квартира. «Брак» регистрируется в ЗАГС-е, после чего «жених», прописанный в законном порядке, выявляет свое лицо и отправляет во свояси свою «законную половину»*).

Вот характерная сценка, описываемая «Известиями»*):

Ранехонько утром один молодой человек, с чемоданом в руке, ждет перед помещением ЗАГС-а. Как только дверь открывается, он врывается, как ветер.

— Разведите меня! — просит он.

— Но ведь вы зарегистрировались лишь вчера, удивляется чиновник.

— Да, это правда, но все же разведите меня. — настаивает визитер.

Оказывается, это один молодой инженер, живущий в окрестностях Москвы, который искал себе «жилплощадь» в столице. Его познакомили с одной женщиной, не первой молодости и не особенно привлекательной наружности, которая заявила, что она готова уступить ему «угол». Но, сказала она, чтобы соблюсти полицейские правила, необходимо «зарегистрировать» брак, конечно, фиктивный, добавила она. За этим дело не стало! «Брак» заключили весьма скоро. Вечером, молодой человек перебирается с облегченным сердцем в свою «жилплощадь»; но заметив в комнате лишь одну кровать, он спрашивает мегеру, с некоторым тревожным предчувствием:

— А где же моя кровать?

— Да вот же она!

*) «Известия», 28 октября 1935.

***) № от 4 июля 1935.

— Извините меня за откровенность: а *ваша-то* где?

— Она и ваша и... моя.

Тогда «муж», схватив свой чемодан, врывается вон из комнаты.

Одним из следствий неустойчивости брака является рост аборт, кои принимают в СССР угрожающие пропорции, начинающие тревожить советское общественное мнение. Тем более, что, как известно, аборт в этой стране не преследуются законом. Нередки случаи, когда аборт поощряются и даже провоцируются самими мужьями*). Женщины не стесняются прибегать к этим печальным мерам на 5-ом и даже 6-ом месяце беременности**).

Недавно «Правда» поместила результат анкеты, устроенной среди рабочих женщин дедовской фабрики, около Москвы: оказалось, что из 150 беременных женщин, лишь 30 захотели рожать, тогда как 120 прибегли к аборту. Так как большая часть этих последних должна была стать матерями впервые, доктор попытался вмешаться:

— Смотри, — сказал он одной из этих женщин, — ты теряешь этим сынка.

На что женщина ответила:

— Что же поделаешь? Для себя я могу легко найти мужа, но будет трудно найти отца для моего ребенка.

(Продолжение следует).

*) «Известия» и «Правда», 24 сентября 1935.

***) «Известия», 22 мая 1935.

На академические темы

Аудитория из кавказцев всех наименований с большим вниманием и очевидной симпатией прислушивалась к «академическому» докладу заметного, заслуженного армянского деятеля на тему об армянах и их кавказских соседях, о единстве их происхождения, с которым носилась еще древняя грузинская хроника, — о политическом братстве их в прошлом, о необходимости держаться его и в настоящее время, и в будущем.

Не краснея и не бледнея, воспринимали эту повесть о природном братстве их народов, и присутствовавшие в зале ответственные делатели политики 1917 и сл. годов на Кавказе. В их послужных списках можно было бы найти не мало любопытных иллюстраций к тому, как это братство понималось совсем еще недавно. С большим тактом докладчик не коснулся вовсе этого, ближайшего к нам прошлого, а его слушатели вынесли, по видимому, успокоительное впечатление в том смысле, что «в следующий раз» не будет повторения. И, в условиях эмигрантского, по крайней мере, существования, т. е. до перехода к делам, братство кавказских народов казалось не на шутку обезпеченным.

Признаться, некоторые из сообщений докладчика были неожиданны и могли дать повод к недоумениям. Таков был один из примеров «братства», правда, в весьма далеком прошлом, на который он сослался. Армения, говорил он, в дни своего могущества, когда ей ничего бы не стоило, «спустившись с Карабахских высот», завоевать тогдашнюю Албанию (а нынешний Азербайджан), от сего,

однако, воздержалась, предпочитая иметь в соседстве свободную братскую страну.

На присутствовавших азербайджанцев это указание, кажется, не произвело должного впечатления — по чрезмерной ли отдаленности названных обстоятельств, во времени, или же по некоторому равнодушию потомков к вопросам албанского наследства (они пока больше дорожат своими сельджукскими предками).

Это, впрочем, подробность; главное же применение идея братства кавказских народов нашла в мыслях докладчика о желательности территориальных прирезок в пользу Армении за счет братских Грузии и Азербайджана. Так, по крайней мере, его поняли слушатели. Это старые, хорошо известные притязания, в рассмотрение которых нет надобности входить здесь. Докладчик представил их с большим искусством и несомненно, выдвигал на первый план братство, а не — прирезки. Заметим, однако, что осуществление именно «братства кавказских народов» считает одним из практических своих достижений советская политика на Кавказе, и что вопрос о пересмотре границ, о «черном переделе», там, по видимому, не ставился.

Другое, как бы незначай сделанное, внушение докладчика касалось щекотливой и опасной сферы кавказско-турецких отношений. Не будем, говорил он, называться Кавказом или кавказскими республиками; мы должны всегда выступать как четыре страны, какими мы всегда были: Армения, Азербайджан, Грузия, Горский Союз. В ча-

ственности, Армения — это не только нынешняя республика на Кавказе, но вся страна, так именованная, т. е. и та Армения, теперь лишенная армянского населения, что лежит в пределах Турции.

Опять таки, и это понимание территориальных прав и требований Армении не является новостью. Оставаясь безпеременным даже после всех переворотов начала 1920-ых годов, оно всегда создавало затруднения на пути объединения кавказских республик в прошлом и кавказских групп в эмиграции. Не имея практического значения в данный момент, оно едва ли сослужит полезную службу кавказским народам в их гадательном будущем.

Нам было, между прочим, сказано, что в настоящее время б. турецкая Армения — сплошная пустыня, дикая, ненаселенная. Интересно было бы знать, так ли это на самом деле в настоящее время. По данным переписи 1927 г., опубликованным в 1929 г., насчитывалось, напр., в Карсском вилайете населения 205.000, а в Эрзерумском — 270.000. Это не совсем пустыня, но плотность населения в восточных провинциях Турции действительно весьма низка; она не превышала, напр., в Ванском вилайете 3,4 на квадратный километр в 1927 г. Вопрос требует, конечно, более тщательной формулировки, но, вообще, наличие на турецкой территории, по соседству с кавказской Арменией, незаполненных в смысле населения пространств вне сомнений. Поэтому вполне понятны чувства армян, припоминающих о сотнях тысячах их сородичей, рассеянных по разным странам, без возможности вернуться в свою собственную. К сожалению, этот контраст и общее огорчение по этому поводу, при всей своей остроте, не подвигают нас вперед. Что, при известном

стечении обстоятельств пока не существующих, возможно, мыслимо в будущем, пока неуловимом, исправление, по всей справедливости, в пользу Армении, Грузии и вообще Кавказа, новейшей его южной границы, с этим всякий согласится. Совсем другое дело такой крайний консерватизм политической мысли, когда не желают считаться с очевидностью и в мертвом уже прошлом ищут путеводной нити для будущего. Должно оговориться, что сам докладчик чужд такого консерватизма. Он говорил весьма трезвые вещи о будущем армяно-турецких отношений. Но слушатели могли неправильно истолковать его соображения о пустующих армянских территориях, и к таким именно толкованиям относятся нижеследующие замечания.

Гибель значительной части армянского населения Турции во время войны и исход его остатков за ее пределы после войны является одним из главных, но не единственным фактором той коренной перемены, которая произошла в демографических данных Малой Азии в наши дни и, одновременно, во всем национальном строении Турции.

По переписи 28 окт. 1927 г. населения в Турции оказалось 13.650.000, что многих тогда поразило: ожидали меньшего. Из данных Ф. фон. Каудига (см. исследование его: «Вопросы народонаселения Анатолии» в №4 Цейтшрифт фюр Геополитик 1936 г.) видно, что в 13 с малым миллионов исчислялось население той же турецкой территории на грани 19 и 20 веков. Цифра населения осталась, следовательно, спустя 27 лет, почти та же; зато коренным образом изменился его состав. Греков было в начале столетия — 1.257.453, армян — 1.264.080, т. е. приблизительно одинаково. Осталось же в 1927 г. первых 109.905, вторых 77.433. Убыль греков в 1927 г. исчисляется, следовательно, в

1.150.000, армян — в 1.200.000 (читатель должен помнить, что перед войной в одном Константинополе, на 1.115.000 населения насчитывалось до 200.000 греков и 180.000 армян, турок же было не более полумиллиона).

При общей убыли нетурецкого населения в три миллиона (по данным 1927 г.), переселилось, наоборот, в Анатолию из Зап. Фракии в порядке обмена населения по Лозанскому договору и других мусульман, всего 800.000. Остальная часть убыли, т. е. 2,2 милл. восполнена была, как видно, естественным приростом турецкого населения. В меньшей пропорции исход нетурецких элементов (греков, несториан и др.) и вселение мусульман продолжалось и после 1927 г.

В общем, по переписи 1927 года на 13.648.270 населения мусульман было — 13.269.606. Мусульман, не турок: едва ли, однако, это имеет большое практическое значение.

20 октября 1935 г. произведена была новая перепись, с улучшением ее организации. Населения оказалось 16.188.767, т. е. гораздо больше чем те 15 милл., о которых говорилось в тексте турецкого гимна 1933 г. Сравнительно с 1927 г. прирост весьма значительный. Конечно, при площади в 762.700 кв. кил. (Франция имеет 551.000) население это не Бог весть какое, и плотность его незначительна (прибл. 20). Однако вне сомнения и сильный рост его, и ярко выраженный теперь однородный его характер в смысле национальном. (Главным, единственным в сущности национальным меньшинством являются курды. Их считалось 1.185.000 в 1927 году). Нет, повидимому, недостатка и в воле к размножению. Не так давно сделано было даже официальное заявление о том, что «в 1950 г. нас будет 30 миллионов». Возлагается при этом надежда и

главным образом из Болгарии, Югославии, Румынии, с их более чем двумя миллионами мусульманского «оттоманского» населения.

Все это, признаться, довольно гадательно. Но при современных «динамических» стремлениях иных держав, вопросы демографии получают особо острое значение. И понятно желание турок увеличить численность своего населения. Одновременно, однако, они заботятся о национальном его единстве. Не чрезмерна ли их реакция против былой пестроты — вопрос другой. Ассимиляция мусульман не-турок, сильная и при Оттоманской империи, теперь наверное действует еще сильнее. Это относится, к сожалению, и ко всем родственникам кавказских народов, в Турции пребывающих — к черкесам и другим горцам, к лазам, и грузинам, общая численность которых, в точности неизвестна.

При тех тенденциях, которые наблюдаются в движении турецкого населения в настоящее время и за которыми не грех следить, можно предполагать, что не долго будут пустовать и земли, лежащие без обработки в пределах бывшей турецкой Армении. Увы, это, кажется, так, и на эту сторону дела следует также обратить внимание.

Анатолийские греки пострадали в итоге войн с Турцией не меньше чем армяне. Греция примирилась с неясными потерями, «списала их в убыток», и это часто приводят как пример политического благоразумия и реализма. Но одно дело государственная власть, ответственная и считающаяся с практическими возможностями, и другое дело политическая эмиграция с ее приверженностью к раз навсегда усвоенной линии поведения. С живучестью ее политических переживаний необходимо считаться. Отсюда, однако, далеко до того, чтобы идейно готовиться к повторению печального опыта 1914

года, когда играли на поражении Турецкой империи, и снова ждать неведомых благ от проблематического крушения, и, очевидно, расчленения на этот раз республиканской Турции. Мотивом общекавказской политики, когда и если для нея наступит время, такое ожидание едва ли может послужить: 1918 г. всем еще памятен.

Вопрос, конечно, не в исторической связи армян и грузин с некоторыми, ныне турецкими территориями. Связь эта общезвестна, и никто не станет ее отрицать. Но ведь привязанность черкесского народа к родному черноморскому побережью и к земле, ставшей Кубанской областью, столь же древняя

и глубокая, однако мотивом практической общекавказской политики поприще здесь историческое право не сделалось. Спрашивается: как отнеслись бы армяне к соответствующему домогательству черкесов?

Новая Турция, по количеству населения есть держава средняя. Однако, она показала значительные жизненные силы, она далеко не «больной человек», и положение ее в международной политической обстановке довольно благоприятное. Момент для «кавказских» затей по ее адресу, если таковые имеются, выбран, пожалуй, неудачный. Они останутся затеями и никогда не станут кавказскими.

З. Авалишвили.

Кавказ между Севером и Югом

Проблема независимости Кавказа, находящегося между тремя могущественными государствами с Севера и юга, всегда порождала в политических кругах Кавказа различные отношения. Практика всей нашей истории показала, что в прошлом народы Кавказа оказались бессильными порознь защитить свою независимость. Наоборот, тогда, когда народы Кавказа объединялись им всегда удавалось отражать натиск врагов.

По какой то странной случайности объединение кавказцев всегда случалось тогда, когда нападению подвергались кавказцы с юга и никогда этого объединения не случилось, когда на смену южной опасности появилась угроза с севера. Южные кавказцы, согласно историческим данным на помощь северокавказцам, как оказывается, никогда не пришли ни в прошлом, ни в самые последние дни нашей новейшей истории.

Политические события последних 20 лет

произвели, однако, большие сдвиги в психологии кавказских народов. Родилось чувство общекавказского патриотизма. Чувство это на родине по всем данным пускает здоровые корни, все глубже и глубже уходящие в кавказскую почву. Пробивает оно дорогу и в наши эмигрантские сердца, но с таким трудом и с такой медлительностью, что наш кавказский патриотизм здесь похож на хилого ребенка, ненормально родившегося и плохо развивающегося.

Вероятно объясняется это ненормальностью положения самой эмиграции, вынужденно оторванной от родной почвы. Вследствие этого происходящие на родине социально-политические процессы, возникают здесь со значительным опозданием. Ненормальностью эмигрантского положения объясняется и то, что среди нас есть элементы, кавказский патриотизм которых никогда не вызывал сомнений, но которые тем не менее

не находят для себя точки опоры и балансируют с одной позиции на другую. Лучшим примером такого шатания является возникновение в Париже так называемого армяно-грузинского унииона с идеологическим фундаментом, подведенным под этот унион моим другом Дата Вачнадзе в изданной им брошюре «Грузия между Севером и Югом».

Политическая хроника, данная нам Д. Вачнадзе в упомянутой брошюре от начала и до конца говорит только против России. Между тем выводы его каким то странным образом объявляют врагом Грузии лишь один юг, т. е. Турцию. Что касается Севера, т. е. России, то чувства Вачнадзе можно характеризовать следующим образом: север вел и ведет себя и до сих пор по отношению к Грузии гнусно, но с ним можно было бы ужиться, если бы он вел себя более честно, прилично и... по хорошему подарил бы Грузии ее независимость.

К большому нашему удовольствию огромное большинство грузинской эмиграции, за исключением грузинских меньшевиков, трусливо промолчавших на докладе Джамалиана, не разделяет выводов Д. Вачнадзе. Тяготение же меньшевиков к России никого не удивляет и давно всем известно.

Позволю себе привести для иллюстрации политическую хронику грузино-русских отношений в порядке изложения ее Д. Вачнадзе.

«В 1587 г. 28 сент. кахетинский царь Александр II подписал в редакции Москвы акт подданства Грузии России. (Кстати кабардинский князь Темрюк, о котором упоминает Д. Вачнадзе, подписал с Иваном Грозным не акт подданства, а союзный договор). В силу этого акта Александр *сделался обязанным* быть всегда преданным России. Московский же царь *обещал* защищать Алексан-

дра и все его государство против его неприятелей»...

«Однако, — продолжает Вачнадзе, — в 1605 году Шах Аббас I, узнав о соглашении Кахетии с Москвой, послал в Грузию свою гвардию, которая в присутствии русского посла зарубила царя Александра и его сына Георгия».

Россия не шевельнула пальцем для защиты Грузии.

Не кроется ли в этом и причина участвовавших в это время набегов лезгин на Кахетию, принявшую подданство России и в которой, как Персия, так и лезгины видели уже не Кахетию, а Россию. Вопрос этот чрезвычайно важный, поставленный фактами истории. И на него нужно ответить, чтобы определить дальнейшую нашу линию поведения уже в наши дни.

К сожалению, Вачнадзе на него не отвечает, но за то отвечает внук Александра II Таймураз I.

«В 1658 году, — пишет Вачнадзе, — царь Таймураз I прибыл в Москву и откровенно заявил московскому царю: «что с тех пор, как его страна вступила под покровительство московского царя, шах Аббас разрушил его царство и погубил его семью, замучив и убив царицу Кетевану и с ней двух его сыновей»... Москва вновь отказала в какой бы то ни было помощи (стр. 17-18).

«В 1668 г. имеритинский царь Арчил прибыл в Москву и просил помощи в размере одного лишь полка, но Москва ему и на этот раз отказала».

«В 1696 г. 20 марта царь Арчил и его брат Карталинский царь Георгий вновь обратились в Москву, что *за их приверженность к России* против них объединились турецко-персидские силы». Призыв этот остался так же без ответа (стр. 18).

На той же 18 стр. Вачнадзе приводит свидетельство французского историка Ал. Рамбо, утверждающего, что жестокости шаха Аббаса, обрушившиеся на Грузию, действительно были вызваны главным образом страхом перед русской опасностью.

«Наконец, — продолжает Вачнадзе, — 7 августа 1722 года Петр I известил грамотой грузинского царя Вахтанга VI о своем прибытии, вместе с армией, находящейся на пути к Таркам и идет на Баку, что Вахтанг должен соединиться с ним между Дербентом и Баку. Царь Вахтанг, во исполнение этого вышел на встречу Петру с 40 тысячной армией, но Петр, не дойдя до места встречи, повернул обратно в Петербург. Вахтанг и его царство стали жертвой соединенных турко-персидско-лезгинских войск, мстивших грузинскому царю за союз с Петром»...

Такая реакция со стороны соседних с Грузией народов вполне понятна даже в наши дни. На лицо живой пример. На франко-советский пакт Германия ответила ремиляризацией Рейна и аннулированием существовавших между Францией и Германией договоров, и мы видели, что мировое общественное мнение ответ Германии встретило сочувственно. Здесь аналогия полная и там и здесь одной из сторон является все та же Россия. Но Вачнадзе не пытается приоткрыть завесу на правду истории, а видит во всем этом... дальновидность грузинских царей

Но продолжим нашу хронику.

В 1736 году царица Анна Иоанновна возвращает Надир шаху все отобранные у Персии Петром провинции и Россия уходит из Закавказья. Что же случилось? Оказывается вместо того, чтобы разрушить брошенную на произвол судьбы Грузию, Надир шах в 1744 году утверждает на Карталинском

престоле Таймураза II, а в следующем 1745 году сына Таймураза Ираклия на Кахетинском престоле. Отец и сын деятельно принялись за восстановление разгромленной Грузии. В 1762 году умирает Таймураз и Ираклий II становится царем объединенной всей восточной Грузии. Этот выдающийся царь в продолжении полувека ведет борьбу за восстановление Грузии и добивается союзного соглашения с западными грузинскими провинциями — Имеретией, Гурией, «Мингрелией». — Оказывается ни Персия, ни Турция ему не мешали в этой созидательной работе и об этом Вачнадзе считает полезным умолчать.

Таким образом приведенная Вачнадзе хроника свидетельствует во первых о злонамеренном предательстве со стороны России Грузии с одной стороны, а с другой возбуждает в нас, у незнакомых с подробной историей Грузии критические и недоуменные вопросы относительно целесообразности и дальновидности дипломатической деятельности грузинских царей русской эпохи.

В самом деле Грузия между гордами С.-Кавказа, турками и персами просуществовала более 3.000 лет и на протяжении этих веков сохранила свою независимость, не взирая на тесное окружение «врагов». Враги эти главным образом в лице турок и персов, не только не помышляли стереть Грузию с карты Кавказа, но сами утверждали царей на грузинских престолах и из той же грузинской багратионовской династии. Мало этого, оказывается бывали периоды добрых отношений с этими «исконными» врагами и на столько длительные, что Ираклию II, царю Грузии, милостью Надир Шаха, за полувекое царствование удается объединить все грузинские провинции под своим скипетром (стр. 20).

Из доклада Вачнадзе остается не выясненным почему персы, сами посадившие Ираклия на престол, оставившие его на престоле 50 лет и давшие возможность объединить Грузию, вдруг стали своей политикой толкать Ираклия к России, но так или иначе в 1789 году Ираклий пошел по стопам своих обманутых и жестоко пострадавших предков и подписал с Екатериной II договор. Союзный договор Ираклия с Екатериной как будто бы не вызывался необходимостью политического момента. Поэтому сама собой напрашивается мысль не играла ли в дипломатии грузинских царей доминирующую роль общность религии с Россией, которая неизменно толкала грузинских царей, наперекор политическим интересам Грузии, к России, тем более, что всякий шаг к сближению с Россией, всякая попытка к уходу от родной почвы приносили Грузии жестокое разочарование.

«Двумя военными экспедициями в Грузии генерала Тотлебена, бросившего в разгар боя с турками грузин и внезапным уходом из Грузии отряда полк. Бурнашева, дело российской помощи Грузии было серьезно скомпрометтировано (только ли и в который раз? Т. Е.) — говорит Вачнадзе, — а положение царства Ираклия во враждебном турецко-персидском лагере до нельзя ухудшилось»... Здесь Вачнадзе дает исторический факт, но повидимому умышленно не делает выводов: почему турко-персидское окружение (враждебное) создалось против Ираклия, который был ими же посажен на престол, при их помощи царствовал 50 лет и объединил Грузию. Без серьезного объяснения приведенные Вачнадзе исторические факты не говорят в пользу политики Ираклия.

Но никто иной как сам Ираклий дал оценку своей политике, признав ее роковой

ошибкой от начала и до конца. Он писал своим послам в Петербурге:

«Мириан и Гарсеван, ничего уже у нас не осталось. Всего лишились. *Вы сами все знаете, что ежели бы мы присягой к Высочайшему двору привязаны не были, а с Ага-Мамад-ханом согласны были, то бы сего приключения с нами не сбылося*» (стр. 23).

Гибельность руссофильской политики грузинских царей засвидетельствовала и сурово осудила и вся семья Ираклия II.

Как видим, по свидетельству самого Ираклия II возможность добрососедского сожительства с югом была, избежать несчастья можно было. Об этом свидетельствует и записка грузинских дворян, поданная генералу Гулякову в 1802 году. «Мы, грузины, составляем одну маленькую землю, — говорит записка дворян. — С нами воевали султаны, шахи и мы бывали им подвластны. Хотя они делали нам насилия, иногда и забирали нас, но мы ни одному не сдались, когда они нас покоряли, ни тогда, ни после *они не отменяли у нас царского звания*».

Россия же, к которой тянулись сердца грузин и тянутся сердца некоторых еще и сегодня, сняла Грузию с географической карты и превратила в две русские губернии.

—:—

История русско-грузинских отношений, полная трагизма, лишней раз учит нас самой простой народной мудрости: не ищут друзей за тридевять земель; в тридевятом царстве через головы своих тысячелетних соседей.

Не подлежит сомнению, что правда именно в том, в чем увидели ее члены семьи Ираклия II: Россия умышленно оставалась

глухой к грузинской трагедии, чтобы благодаря руссофильской политике грузинских царей, вызвать к ней вражду соседей, обессилить и обезкровить Грузию в борьбе с соседями, чтобы затем без сопротивления снять Грузию с географической карты. Здесь и возникает естественный вопрос: где же подлинный враг, угрожающий, не только бытию Грузии, как страны, но стремящийся к исключению самого термина «грузин» из лексикона?

Не взирая на эту потрясающую хронику грузино-русских отношений Дата Вачнадзе ни в одном месте не называет Россию врагом Грузии. Чувства его к России — это чувства жалобщика на какие то допущенные Россией несправедливости, жалобщика, не потерявшего надежды на то, что несправедливость будет устранена. К Турции, наоборот, он проявляет непримиримую вражду. То же чувство недружелюбия, чуть меньше, к Персии и чуть больше к дагестанским горцам. Чувства совершенно не оправдываемые историческими данными, самим же Вачнадзе собранными.

При таком примитивном отношении к вековым соседям, которых, хороши они или нет, но заменить лучшими соседями нам не дано, Кавказу никогда не стать на собственные ноги.

К большому удовольствию мы можем уверенно сказать, что примитивный подход к проблеме Кавказа вообще, а Грузии и Армении в частности — моего друга Д. Вачнадзе мало кем разделяется.

—:—

«Старая хроника 18 века, — говорит далее Вачнадзе (стр. 32-33), — внезапного оставления русскими войсками маленькой

Грузии в одиночестве перед лицом сильнеешего противника (1722, 1770, 1787, 1795, 1796 г.г.) в конце концов привела к гибели грузинского царства, в нашу эпоху обогатилась аналогичным примером, но в более крупном масштабе и в наиболее опасной форме. В октябре 1917 г. внезапно уйдя с бывших позиций Кавказского фронта, Россия подставила головы беззащитных народов Грузии и Армении под удары наступающей турецкой армии»...

Турецкие армии проникли вглубь Грузии, но какой либо особой дикости они там не проявили. Грузинского народа на пути следования не уничтожали, городов, деревень и хлеба не сжигали. Словом в Грузии турки не прибегли к тем методам войны, которые были бы необычными в пору великой мировой войны. Что касается армян, то о них речь будет ниже.

То, что было в историческом прошлом, к изучению которого Вачнадзе и сейчас не может подойти с достаточной объективностью и хладнокровием, об этом мы можем судить по данным истории, в которой есть одна бесспорная правда: в бесконечных войнах, в условиях которых жили народы Кавказа, Грузия сохраняла свою независимость и до тех пор, пока сама не влезла в пасть северного медведя.

Гораздо больше ужасов, неизмеримо больше испытала Грузия, когда ее заняли русские под красным знаменем, а в особенности в 1924 году, когда национальная Грузия подняла свой голос.

При чтении брошюры Д. Вачнадзе тщетно пытаешься найти логику, причину почему он всюду на протяжении 47 стр. клеймит Турцию врагом, что называется навязывает ей быть врагом Грузии и всего Кавказа. На протяжении всей брошюры: жалобы на не-

справедливости России, а враг все один и тот же юг...

Кому понадобилась, перед будущей неизвестностью накликать на Грузию и на всех нас вражду Турции, когда ни Грузия, ни другие народы Кавказа не ищут этой вражды. В чем дело? Откуда идет этот «социальный заказ»?

«В начале 20 века Романовская держава от напора извне и изнутри рухнула, она оставила денационализированную и дезорганизованную страну грузин *воле враждебных стихий юга*», — добавим от себя еще раз, — тех стихий юга, которые никогда не снимали с географической карты грузинского царства!

«И теперь, — продолжает Вачнадзе, — сама, находясь под угрозой ударов с Запада и Востока и готовясь при первом же натиске извне удрать с Кавказа, оставляет обратную, без хлеба, денег, оружия, безформенную рабоче - крестьянскую грузинскую массу на попечение и под надзором своих союзников турецких пашей и вали, посаженных ею в Карсе и Ардагане»... Вачнадзе догово-

рился до того, что поверив своей собственной фантазии, уже проливает слезы при мысли, что большевики при натиске на них со стороны Японии или Германии могут уйти с Кавказа. Не отсюда ли идет и тревожный страх Вачнадзе и его немногих единомышленников перед желтой опасностью?

Мы, кавказские патриоты, не страшимся бредовых видений Данилевского. Всякий, кто может ослабить СССР, кто может сломить русский империализм, является нашим естественным союзником. О, если бы предсказание Вачнадзе об уходе России с Кавказа в ближайшем будущем сбылось! Мы не будем плакать, как плачет Вачнадзе. Мы скажем: скатертью дорога и навсегда! С южными же соседями, как мы не погибли на протяжении 3.000 лет, так надо думать, сумеем жить и дальше и наверняка в более лучших условиях. Тому порукой являются новые условия жизни вообще и вся социально-политическая и духовная обстановка, складывающаяся на нашем юге.

(Окончание следует)

Тамбий Електоти.

Драма одного экс-лидера

(ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Г. РАСУЛ ЗАДЕ)

Вы, Мамед Эмин Расул Заде, к большому несчастью азербайджанского народа, благодаря стечению обстоятельств, очутились в эмиграции во главе партии «Мусават» и Национального комитета; Вашими преступными действиями и неумелым руководством Вы разрушили все здоровое и честное в азербай-

джанской эмиграции и сами остались лишь с небольшим платным окружением. На все мои конкретные и документальные тяжкие обвинения, предъявляемые к Вам, Вы молчали и лишь в бессилии реагировали протестами с фиктивными подписями. Но теперь я обращаюсь к Вам с новыми обвинениями поли-

тического характера. Может быть и теперь Вы предпочтете молчать, ибо для Вас сейчас «истинное молчание — золото».

1) Вам должно быть неизвестно, что на сить не по праву имя «шефа» и «лидера» разгромленной вами же партии и вводите в заблуждение всех некомпетентных в наших делах, а Ваши товарищи из грузинского лагеря пользуются Вашими «титулами», когда им это выгодно для своих эгонистических целей. И потому, чтобы констатировать перед историей и общественностью Азербайджана ваши вредные и преступные для родины действия — я обращаюсь к Вам со следующим вопросом:

1) Вам должно быть неизвестно, что на страницах журнала «Кавказ» сообщалось о каких то тайных переговорах Ваших грузинских партнеров с представителями красной Москвы по разным вопросам политического и финансового характера. Такое значительное, компрометирующее кавказское дело сообщение «Кавказа», грузинские меньшевики обошли полным молчанием. Как понять это обстоятельство? Не участвовали ли и Вы в этих переговорах? Как совместить это обстоятельство с принципами «брюссельского пакта» и пребыванием Вашим в их среде?

2) Известно ли Вам, что за последние месяцы грузинские меньшевики и сотрудничающие с ним национал-демократы совместно с армянами ведут в стране и среди эмиграции враждебную агитацию провокационного характера против Турции? Они распространяют незлые слухи о каких то тайных соглашениях Турции с Москвой по вопросу о Кавказе и этим создают в армянской и грузинской массах вредное для всего Кавказа настроение против турецкого мира. Как же Вы, именующий себя «лидером» турецкой федеративной партии «Мусават», могли

совместить идеологию Вашей партии с сотрудничеством такой органически антитурецкой группы грузинских социалистов? Не является ли сотрудничество Ваше с ними изменой генеральной линии азербайджанской национальной идеологии и турецкому миру? Или, может быть, Вы уже отрешенный от этого мира, проникнутый низкими чувствами мести, солидаризируетесь с Вашими грузинскими товарищами и армянскими дашнаками? Иначе не понятно Ваше пребывание с ними в одной кавказской организации.

3) Ваши грузинские друзья поднесли Вам очередную горькую пилюлю. Перед нами картина новой дружбы — грузинских меньшевиков с армянскими дашнаками на панихиде по армянским и грузинским бойцам за свободу и армянском «герое» Андранике, руками которого пролита кровь десятков тысяч азербайджанцев и турок. На этой панихиде присутствовали Ваши товарищи по предательскому пакту — Чхенкели, Гегечкори и другие. Как Вы изволите объяснить такую симптоматическую демонстрацию? Не есть ли это акт враждебный Азербайджану и смертельный удар по Вашему многообещающему «Брюссельскому пакту»? Ведь и азербайджанские и горские бойцы погибли за свободу не в меньшем числе нежели армяне и грузины. Почему же Ваши грузинские товарищи по Кавказскому пакту не сочли нужным вспомнить и о них? Что стало с вашей Конфедерацией? Или им это может быть было нужно временно по коммерческим соображениям или по заказу Ваших господ? А может быть Вас, Расул Заде, и горского «лидера» Суиша Ваши грузинские товарищи вывели уже в тираж? забраковали, как обанкротившихся, отвергнутых своей средой? И заменили новыми фаворитами из дашнакского лагеря? Ваше очередное

политическое поражение, Вас может быть не смущает, ибо вы привыкли к ним, но факты эти — тяжелый удар по кавказскому делу в глазах всего общественного мнения.

4) Как Вы изволите видеть (хотя и не выгодно Вам видеть), Ваши грузинские друзья не стесняются и не церемонятся с Вами, а бьют по Вашему Брюссельскому пакту: армяно-грузинская демонстрация дружбы при участии ответственных членов Грузинского Национального Совета и правительства вылилась в конкретную форму — постоянного унияона со своими бюллетенями. Вам было бы полезно внимательно вникнуть в сущность воззвания этого унияона, чтобы окончательно вырыть для себя могилу — как для провалившегося политического деятеля и уступить свое место другому.

Мы рады были бы еще более тесному даже органическому армяно - грузинскому унияону, если это объединение облегчает осуществление идеи Кавказской Конфедерации и борьбу за свободу всего Кавказа, но настоящий унияон, носит ярко сепаратический характер, проникнут духом вражды и полного игнорирования интересов остальных кавказских народов и противоречит основным принципам политической мысли Кавказской Конфедерации, — вот какой унияон преподнесли Вам Ваши грузинские друзья накануне годовщины независимости Кавказских республик!

Этого мало: декларированный манифест открывает ясно политическую физиономию грузинских Ваших друзей по отношению к горскому соседу — Турции, и в этом вопросе грузинские унияонисты всецело приняли программу дашнаков — путь вражды и ненависти к Турции. Отдаленный не только пространством, но и духовно от родины и соб-

ственной среды, Вы забыли неизблемые принципы азербайджанского народа. Вы теперь, конечно, вольны в своих действиях, но мы то сохраняем наши священные, традиционные убеждения: независимости Кавказа угрожает не юг, как думают Ваши меньшевицкие и дашнакские друзья, а север и наш девиз — оборона на севере и дружба на юге. Вы же, Расул Заде, видимо с вашим уязвленным самолюбием, человек отколовшийся от всего тюркского, отошли и от этой национальной идеологии азербайджанского народа, — иначе Вы не могли бы быть сегодня с грузинскими меньшевиками за одним столом. Ведь Вам известно, что в этом анонимном армяно-грузинском унияоне участвуют ответственные члены грузинского национального совета. Простит ли Вам история Азербайджана Ваше политическое сотрудничество с организацией, члены которой в союзе с армянами открыли теперь систематическую кампанию против тюркского мира?

В воззвании «Унияона» говорится: «Унияон» борется за восстановление Армении и Грузии в национальных территориальных пределах, достаточных для их нормального существования». Как расшифровать это заявление, и о каких территориальных восстановлениях мечтают армяно-грузинские утописты? Не есть ли это намек, довольно открытой на Карабах и турецкие территории? Вот что готовится тут же под Вашим носом, господин Расул Заде.

Может быть Ваш партнер — грузинский социалист Жордания формально будет отнекиваться от этой новой армяно-грузинской затеи, но одно пребывание на указанной выше панихиде и умалчание по поводу воззвания «Унияона» таких ответственных лиц, как Чхенкелая, Гегечкори и других присутствовавших там — достаточный факт, что-

бы сделать отсюда необходимый вывод для азербайджанских и горских деятелей.

Я Вам не завидую в Вашем положении. Вы, бывший когда то лидером тюркской партии — считавшийся ярким тюрксистом, даже больше — пантюркистом — сегодня без зазрения совести гастроллируете в среде ярых антитюркистов. Вы не так глупы, чтобы не понять эту Вашу драму, но видимо Ваше полное бессилие заставляет Вас глотать эти горькие пилюли. Политический деятель может смело бороться за свои принципы, когда за ним идет организованная своя масса, когда он имеет поддержку в родной среде. Вы

лишены этого. Вы отошли от всего Азербайджанского и тюркского — вернее вас «отошли», и сегодня Вам остается выбирать одно из двух: ради личного материального благополучия молча идти в хвосте грузинских меньшевиков — растоптав все принципы и никого решительно собою не представляя, или осознать все свои роковые ошибки и поражения и произвести над собой политическое капри.

Таково возмездие истории!

Рустамбейли Шафи.

Истамбул 20/6 1936 г.

Из заметок Члена Азербайджанского Парламента

ПРИМЕР ПОДРАЖАНИЯ НЕДОСТОЙНЫМ

Мы все сейчас говорим о независимой нашей государственности. Надо думать, что мы успели проникнуться после долгих лет унылой эмиграции более ясным сознанием своих государственных обязанностей и тех жертв, каких они от нас требуют.

В прошлом мы этого не сознавали. Не могу не привести из своей записной книжки одного характерного факта, и пусть эта краткая, но психологически очень значительная историческая справка послужит для нас напоминанием о примере, которому отнюдь подражать не следует.

Дело происходило в январе 1920 г. Со дня объявления самостоятельности Азербайджана ни один азербайджанец ни гроша налога в азерб. государ. казначейство не вносил, хотя в декабре 1918 года азерб. парламентом единогласно было принято, что все

существовавшие при царском режиме виды государственных и земских налогов, кроме конечно воинского для мусульманского населения Кавказа, остаются в силе впредь до отмены или замены их соответствующими законами.

Так как с 1916 г. в России был введен и государ. подоходный налог, а азерб. казна пустовала, то решено было финансово-бюджетной комиссией азерб. парламента ввести с начала 1920 г. одобренный этой комиссией проект в парламент, ибо к сравнительно легко уловимому этому виду налога желательно было привлечь главным образом лиц, получающих громадные жалования из государ. казначейства, в том числе конечно и членов азерб. парламента.

В виду того, что закон этот, как таковой, был принят еще раньше с одобрения

финансово-бюджетной комиссии парламента и с согласия правительства, в местных газетах вышли объявления о подаче на готовых и бесплатно выдаваемых бланках заявления податным инспекторам плательщиками налога о своих доходах и прибылях за целый 1919 год; объявления эти печатались почти каждый день на первых страницах всех местных газет в течение 20 дней.

Вследствие падения ценности рубля надо было изменить ставки налога и назначить новый прожиточный минимум — необходимую первую сумму, на которую могла существовать средняя семья в городах и уездах Азербайджана; это конечно нужно было провести законодательным путем.

Такой законопроект, одобренный финансово-бюджетной комиссией был внесен на обсуждение парламента в средних числах января 1920 года... Доклад по этому законопроекту продолжался два с лишним часа, ибо кроме объяснения буквально каждого слова и выражения приходилось давать объяснения также и на многочисленные вопросы членов парламента; в результате, почтенные представители и избранники народа узнали, что, не считая других их несомненных доходов с одного только жалования (180.000 рублей в год) им придется платить около 12.000 руб., налога и плюс еще штраф за неподачу заявления к 1 января 1910 г. о своих приходах и прибылях, так как по докладу управляющего азерб. казенной палатой ни один член парламента не подал соответствующего заявления.

Что же вы думаете, почтенный читатель? Законопроект был отвергнут большинством 7-8 голосов только потому, что он бил по карману господ законодателей! До государственных нужд и карманов граждан дела не было: это никого не интересовало.

Нужно отдать справедливость, что лидер партии «Мусават», от которой, как самой многочисленной, зависела судьба всякого законопроекта в азерб. парламенте, внемля всяким доводам докладчика, был на стороне законопроекта и подал за него голос, но он в этот день, вопреки своему обыкновению, сидел не в первом ряду, как всегда, а сидел посредине членов своей партии, так что часть мусаватистов, сидевших позади лидера, последовали его примеру, а те, кто сидел впереди лидера, не заметив его пальца, голосовали против законопроекта, который провалился, потому что разделились голоса мусаватистов: докладчику оставалось только посмеяться и уйти с трибуны, дав слово больше никогда не выступать в азерб. парламенте с докладом. Оно так и случилось: вскоре после этого в парламенте начались разговоры о Деникине, о гавжинских и шушинских событиях, об убийстве большевика Баирамова и о приближении большевиков, а в результате бегство членов парламента, правительства, лидеров и властвующих...

Нельзя не упомянуть о социалисте, а потом и большевика о Самед ага Агашили оглы, который после провала законопроекта подошел к безнадежно-удивленному докладчику и сказал буквально следующее: «у меня лицо, которое не легко меняется, я редко когда краснею и стыжусь, а сегодня поистине постыдился и покраснел за наш парламент и я и по моему настоянию ваша партия (социалистов) голосовали за законопроект, ибо вы в вашем докладе были совершенно правы, — выражаю вам свое сочувствие!»...

Такова была государственная подготовка, таковы были государственные побуждения большинства наших бывших законодателей.

А. А. А.

О двух преступлениях Москвы

«Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, а перелазит инде; тот вор и разбойник». — Поезд, гл. 10-я.

Ворами и разбойниками проникали москаляки всюду, за пределы своего Московского княжества, в то время, когда все европейские народы сформировывались в нации, определяли и устанавливали границы своих национальных государств. Если «Господин Великий Новгород» ве испытал нашествия «татар» в 1240 году, то на него посылались беды, еще много худшие, со стороны отатарившихся москалей.

Кстати, несколько слов о москалях, т. е. о той народности, которая, с момента «великого переселения» образовалась на территории бывших губерний: Калужской, Орловской, Тульской, Московской и части Смоленской. Следует: раз на всегда сговориться и никогда не употреблять термина «русский», когда речь идет о «великороссах», ибо — называть узурпаторов именем, которое они себе присвоили, это, как бы, утверждать за ними не им принадлежащее наименование, оскорблять память тех, кого они уничтожили и злым именем воспользовались. Я предпочитаю слово «москаль» — «великороссу», потому что последнее искусственного происхождения, было изобретено духовенством и книжными людьми Москвы и стало входить в царский титул лишь с XVI века, т. е. после захвата Новгорода Великого и Пскова со всеми их землями. Фр. Духинский, в прошлом веке, определенно говорил о них: «Москаляки не принадлежат к славянскому и даже к арийскому племени и напрасно присваивают себе имя русских, которое принадлежит

по справедливости только малоруссам и белоруссам». Из истории мы знаем, что на месте сарматов и, вытеснивших их позже, готов, и тех и других переселившихся в Западную Европу — появились гунны. Знаем мы и то, что после смерти Атиллы (453 г.), гуннские племена перекочевали обратно за Прут и Днепр. Летописец Нестор так характеризует обитателей этих земель: «живиху скотьски, убиваху друг друга, ядаху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица*»). Если москаляки славяне, то куда же девались многочисленные гунны? Ведь не испарились же? — Правда, некоторые исследователи, как например Иловайский, видели в гуннах славянскую народность, но, тайная цель подобной теории ясна: главное, это доказать, что москаляки — славяне, а для этого и гуннов и болгар можно считать таковыми!

Однако, вернемся к отношениям москалей к Новгороду. С 1300 года, вплоть до окончательного уничтожения, московские князья, богатея и усиливаясь за счет обворовываемых ими ханов «Золотой Орды», сделали не одну попытку подчинить себе территории, на которых создавалось и процветало Русское Государство. Трагедия Новгорода легко объясняется, если принять во внимание особенность моска-

*) О славянах — полянах, тот же Нестор говорит: «...бо своих отець обычаи имяху тих и броток, и стыдение к снохам своим и к сестрам и к матерем своим... брачные обычаи имяху». Невозможно, чтобы столь различные по характеру народности принадлежали одному и тому же племени. В. К.

лей, чувствовать себя всюду, как у себя дома, вмешиваться во внутренние дела страны, в которую они проникают и выступать в качестве представителей народности их приютившей. Расположившись во все стороны от Москвы, многие из них обосновались в пригородах Новгорода, создав московскую, совершенно обособленную, как заноза в чужом теле, колонию. Как естественно желание устранить занозу, так понятно и то, что партия патриотов стала теснить распоясавшихся москалей, а они — обращаться с жалобами к своему князю. Так случилось с двумя челобитчиками, прибывшими в Москву и, либо умышленно, либо по привычке и натуре своей, назвавшими князя не «Господин», как то было принято у новгородцев, а «Государь» Великий Князь, сделав вид, что принимает челобитчиков за действительных посланцев из Новгорода, послал спросить: «Какого государства хотят новгородцы?» — Те взволновались, заявили, что никаких послов не посылали и убили некоторых ходивших в Москву. Великий Князь, получив ответ новгородцев, пошел на Новгород, в результате: уничтожение вечевое устройство и всего того, что характеризовало и так выгодно отличало русских славян от москалей, заточение владыки в Чулов монастырь, разорение и ограбление во всей Новгородской области 170 монастырей, казнь сотен бояр и насильственное переселение десятков тысяч семейств в московские города с вселением в замен их и на отобранные у них земли, москалей.

Так Москва уничтожила Новгородскую Русь, с целью завладеть «Белым Клобуком» и через 200 лет стать Россией. Это убийство другого ради овладения его наследием, и не просто убийство, а уничтожение останков и признаков существования жертвы, со всем тем, что могло бы напоминать ее, присвоение име-

ли с целью выступать в дальнейшем в качестве неа.

Читателю приходилось, наверное, уже не раз слышать о «Завещании Петра Великого». Завещание это было вывезено из Петергофского дворца в 1757 г. знаменитым Шевалье д-Еон де Бомон и не раз появлялось во французской печати. Сущность его сводится к следующему: Россия постоянными войнами и «искусной» политикой должна покорить всю Европу и продвинуться сколь возможно ближе к Константинополю и Индии. Раздробив Швецию, завоевав Персию, покорив Польшу и завладев Турцией, она должна разорить Австрию с Францией и, когда обе эти державы будут ослаблены, в решительную минуту двинуть русские войска в Германию и наводнить Францию.

А вот и несколько, подробностей для объяснения того, как понимал Петр Великий «искусную» политику:

«...§ IV. — Поселять несогласие в Польше, постоянно поддерживая в ней смуту. Ценою золота привлекать на свою сторону видных и влиятельных государственных деятелей, подкупать их, дабы с их помощью влиять на сеймы и выборы королей.

§ V. — Захватить как можно больше у Швеции, умело вызвать ее на нападение, чтобы иметь предлог в дальнейшем окончательно ее себе подчинить.

§ X. — Стараться вызывать обращение за помощью к России то одних, то других из ее соседей, оказывать им первое время покровительство и готовиться к полному их покорению в будущем.

«Так может и должна быть покорена Европа!» — заканчивает свое великое произведение Великий Император».

Подлинность этого завещания «русские» оспаривают. Было бы странно, если бы это было иначе и если бы они не пытались объявить его, либо мистификацией самого Шегале д-Еона, либо считать автором его Наполеона I-го. Но для нас, это не имеет никакого значения; вся история России, свидетельствует, объясняет, оправдывает необходимость его существования и было бы удивительно, если бы его не было в действительности. Все великие плязья Московские, начиная с первого собирателя земли «русской» Иоанна Даниловича Калиты, в борьбе с другими князьями-соседами не пренебрегали никакими средствами и, раболепствуя перед ханами, при помощи «статар», счастливо одерживали верх над своими соперниками. Способы присоединения Твери, Рязани, Новгорода, Пскова, Казани, Смоленска и др. и вся «искусная» политика Иоанна III-го, Василия III-го Иоанна IV-го и др. одним словом, все прошлое Московского Государства, которым, ныне, гордятся «русские» патристы и которое вдохновило Петра Великого, не могло не послужить источником и не вылиться в нечто подобное вышеупомянутому завещанию. С другой стороны, поведение самого Петра в отношении его к Швеции, Украине, Персии, Кавказу и Турции не могло, в свою очередь, не служить примером его наследникам: Екатерине II-ой, Павлу I-му, Александру I-му, Николаю I-му и т. д., а поэтому и политика их всех в Польше, Крыму, Кавказе, Туркестане и т. д. была лишь продолжением предыдущего и осуществлением в точности всех параграфов, известного иностранным историкам и оспариваемого русскими, завещания.

Завоевание Кавказа, являясь, после разгрома Новгорода Великого, также, одной из

важнейших и мрачнейших страниц истории Государства Российского, есть, так сказать, событие вчерашнего дня. Печатаемые в журнале «Кавказ» воспоминания Мусы Паши Кундухова, освежают их в нашей памяти, а потому я не стану утомлять читателя и буду кратким.

«Действия в Закубанском крае решено было вести согласно с усвоенною в последние год систему, пишет генерал Ореус. Туземные племена должны были покоряться и переходить на указываемые им места на плоскость; в противном случае их оттесняли далее в бесплодные горы, а оставленные ими земли заселялись казачьими станицами; наконец, по оттеснении туземцев с гор к морскому берегу, им оставалось или перейти на плоскость, под паш ближайший надзор или переселиться в Турцию.

«Пядь за пядью очищались все равнины и горы. Черкесы отходили с женами, детьми и стариками, угоняя скот и унося скарб. Пришли к берегу. Дальше откатываться некуда. Победители приказали строить плоты. Горцы сами рубили деревья, визали плоты. Они навегда ушли из своих аулов, потянувшись на бесконечных плавающих караванах к турецкой земле». Художественно описывает Али-Баба («Возрождение» 13.VI.1935) картину исхода тех, кто с незапамятных времен населяли Кавказ, тех, которые являли собою идеал благородства и чистоты кавказской расы.

Так Москва выбросила в море целую нацию, чтобы завладеть легендарным Кавказом. С подобной яростью лишь преступник, растворяя иногда, даже в серной кислоте, уничтожает свою жертву.

Если из целого ряда преступлений, считала Московских Великих Князей, а потом и

Российских Императоров, я выбрал уничтожение Новгорода Великого и выселение с Кавказа целой нации, то это потому, что:

Первое — раскрывая источник завещания Петра было совершено с целью присоединения имени «Русь», и захвата колыбели Русского Государства, за представителей которого, освободившиеся от монгольского ига, московские князья решили себя выдавать.

Второе — было совершено с целью стереть с лица земли образец чистой кавказской расы, уничтожить документ могущий, рано или поздно, разъяснив загадку белой расы, открыть гуниское происхождение самих москалей.

Если я вообще решил напомнить читателям «Кавказа» об одном и о другом, то это потому, что с завоевания Новгорода до исхода черкесов, и вплоть до наших дней, «искусная» политика Москвы — все та же, и что следовательно: нормальное существование «не русских» народностей, по несчастью находящихся в соседстве с народом — богоносцем, возможно лишь при условии безкомпромиссного и окончательного, во всем абсолютно, отмежевания от москалей.

Каждая нация, в продолжении всей своей истории, окружена своею особою, лишь одной ей присущей, атмосферой.

Пусть читатель задумается над атмосферой «русской» нации: от «живяху по скотски...» через целые века вероломств, клятвопреступничеств, безумств Иоанна Грозного, смуты, до завещания Петра Великого; от этого завещания через «Батехизис Печаяева, зверства чрезвычай... не то, что людей — баранов — и тех не осталось!»*), до Троянского

коня Дмитрова, в продолжении всей истории Государства Российского не отыщется и одного дня, когда атмосфера Москвы соответствовала бы той роли, которую она себе присваивает.

Атмосфера эта, злобная, развращающая, парализующая, обезчеловечивающая, — не только для самих москалей, но и всякий «не москаль» в нее попадающий во втором или третьем поколении теряет уже всякое человеческое достоинство.

Чтобы стать человеком, необходимо устранить пагубное влияние этой атмосферы: Петр Великий, великолепно понял это и пробивая окно в Европу, главным образом, стремился проверить свою страну, очистить, освежить воздух; Третьяковский, Ломоносов, Карамзин, Гоголь, Тургенев и др., для просветления своего разума, должны были бежать из нея, и выезжали в Западную Европу; Толстой, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов и др. за расцвет своих талантов, в значительной мере должны благодарить Кавказ.

Все наше несчастье заключается в том, что многие из нас освоились и привыкли к «русской» атмосфере (можно привыкнуть к самой кошмарной атмосфере и не замечать ее).

Спасение наше и необходимейшее условие освобождения родины нашей, в возрождении способности действовать, в возстановлении, утраченных, сил и качеств борцов. Нам нужно стать такими, какими были те, о которых Муса Паша Бундухов докладывал кн. Воронцову и которые предпочли: «умереть, чем увидеть и испытать то, что русские хотят делать с нами».

Вахтанг Карелели.

И. Солоневич. «Последние Новости», См. мою статью в «Кавказе» — февраль 1936 «18 лет без Императора».

*) Возстание 1932 г. на Чечне и Кубане.

О „НОВОЙ“ грузинской литературе

В мои руки попала и даже пролежала у меня несколько дней, не без того, чтобы не вызвать понятное волнение, книга стихов поэта Тициана Табидзе, когда то моего друга, живущего постоянно в Грузии и ставшего, под конец, советским писателем.

Прежде всего, несколько слов о внешней культуре советской книги. Нет сомнения, что книги в советской Грузии издаются несравненно больше и чаще, чем это было в до-большевническое время. Если закрыть глаза на то, что, очень часто, советская книга печатается на оберточной бумаге разного цвета и сорта, то улучшился и внешний ее облик. Можно сказать, что заметна даже непосильная попытка, воскресить, конечно, типографским, способом, неповторимую прелесть старо-грузинской рукописной книги. И тем не менее приходится сказать, что некоторое техническое превосходство остается все же за старой печатной книгой. Раскрывая старую книгу, читатель встречал со стороны ее приятную послушность и несомненное удобство при чтении. Заключалось это удобство в простейшей вещи — страницы ложились горизонтально. Не то советская книга. Она бессмысленно «революционна» даже с этой стороны! Втиснутая с непонятной жестокостью в претенциозный всегда переплет, она раздражает вас тем, что страницы ее торчат перед вами все время вертикально в читательских двух рук, никак, при всех большевицких чудесах не ставших четырьмя, как то не хватает, чтобы придерживать их горизонтально.

Дефект этот, конечно, внешний и в конечном счете легко исправимый. Но за внешним

дефектом немедленно следует и внутренний дефект. В советском переплете торчат не только страницы, но в советской книге как то грустно торчит и произведение и уж, конечно, сам автор. Книга Табидзе лучшее тому доказательство.

Тициан Табидзе пишет уже двадцать лет и принадлежит к группе поэтов, выступивших на литературное поприще под кличкую «Голубых Рогов». Двадцать лет тому назад слово было, действительно, новое для Грузии. Новое было и то, что люди выступали как то особенно дружно и солидарно. У новых поэтов голубые были только рубахи, из рогов же пили, собственно, всяких, адресуя «аллаверды», постоенно к Руставели! Но литературного направления держались определенно тревожного. Проведовали потоп, который должен был смыть все мещанское с Грузии и грузинской литературы. Были задорны, трагичны, порой травились. Один из них покончил собой только потому, что был роста оскорбительно малого «для поэзии». Это был бедный Гион Саганели! Тициан не убился, находя, что капля воды так же бездонна, как и море. Концепция облегчительная. И во всяком случае до самоубийства никогда не доведет. Но та же концепция привела «голуборогцев» к мысли, что можно писать не утруждая себя настоящим творчеством. Поэтому дали «голуборогцы» восхиительно мало! Исключение составил один Григорий Робакидзе, который впрочем по настоящему «голуборогцем» никогда и не был. Уехал в Германию и печатается по-немецки не без успеха. Тициан Табидзе, Паоло Иашвили и другие остались дон-жуанами фразы. Их

заслуга — первый грузинский сонет и первый грузинский триолет!

Дон-жуанов часто избивают. Избивали литературно и «голуборогцев». Но это их изводило мало. Первое их совместное выступление в Тифлисе, подготовленное сначала в провинции, кончилось провалом. Их освистали. В Грузии это был первый случай, когда поэтов просили убраться вон! При встрече со мной, Тициан был весел и процитировал слова Оскара Уайльда о том, что расхождение во мнениях — торжество для произведения! Где же расхождение, — возразил я ему, — говорят, что вам свистал весь зал! Есть, — ответил он, — свистящий зал только одна половина мнения, другую половину представляем мы сами — «голуборогцы». В тот день их было в Грузии ровно семь человек...

Многое в поэтическом кредо начинающих «голуборогцев» можно было объяснить простым подражанием символизму и обычному для некоторых снобов взгляду, что поэзия доступна немногим или только совсем избранным. Гете говорил, что поэзия недоступна только варварам. Поэтому вопрос сводится не столько к недоступности самой поэзии, сколько к ужасному спору: сколько же варваров на земле и сколько этих культурных людей?

С того времени, когда «голуборогцы» думали, что грузинскую поэтическую знать представляют исключительно они, прошло много горьких лет. Они были свидетелями независимости Грузии и ее падения, прихода большевиков и основательной шерепашки всей грузинской поверхности, августовского восстания и разстрелов... Они были свидетелями так же и того, как целое племя людей, служивших до них грузинской литературе, окончательно сошло со сцены, оставив наследие ума и духа

на попечение такого нотариуса, как советская власть. Наконец, они были свидетелями и того, как все это наследие было закреплено за «пролетарским писателем». Должны были поехать к новому владельцу и сами «голуборогцы». Кажется, ясно, что вопрос разрешен в том единственно большевицком смысле, когда не только избранность лишняя для поэзии вещь, но лишней является сама поэзия. Это уже не свист, добродушной когда то грузинской публики, не расхождение во мнениях, которое приводило «голуборогцев» к «торжеству», а настоящая свалка культуры, куда отнесли и этих жрецов «чистого искусства»... И ниче.о! Оказалось, что можно писать не только об «инфантах» и «марквизах», но и о копоты фабричных труб, воспевать земоавчальские турбины и быть соловьем цитрусовых рощ, разбитых большевиками, и что это — тоже поэзия!

Книга стихов Тициана Табидзе человеческий документ такого превращения. Но так как книга Тициана Табидзе именно человеческий документ, а не простой реестр большевицкого «строительства», так как Тициан Табидзе все же больше поэт, чем «советский писатель», то между строками его стихов и слышны слезы уводимого кем то в плен человека. Теперь у него больше подлинно-горьких выражений, чем в первой книжке его стихов, изданной до большевиков.

В таком же положении находятся другие писатели и вся грузинская литература. Настоящего творчества в ней нет. Бряд ли можно назвать ее и новой. Но тяжесть грубой власти и изуродованной жизни она отразила замечательно. Выражается она не в возмущении и ругани, а в молчании сжигаемого на костре.

Ш. Амiredжиби.

Великий всероссийский обман

IV*).

Жизнь все время подталкивает советские порядки. Как говорят немцы: кто сказал «а» — неминуемо скажет потом и «б» и так далее, — придется мало по малу выговорить весь алфавит.

На какой именно букве застаёт нынешний момент советскую действительность, — сказать, конечно, трудно, — каждый день преподносит чтонибудь новое. Но ясно одно: жизнь идет быстрым темпом к полному восприятию обычных «буржуазных» взаимоотношений (пусть, разумеется, еще далеко не пройден), и власть с некоторым запозданием принуждена регистрировать устанавливающийся житейский уклад, вводя его в новые нормы законов и распоряжений.

От Маркса остаются только неизбежные словесные «выкрутасы» всяких пояснений, подходов и комментариев. Подлинный марксистский подход требует, мол, того то и того то, а содержание владывается уже совершенно противоположное былому правоверному коммунизму. Продиктовано оно целиком той мелко-буржуазной стихией, которой прикинута сейчас вся психология советского человека.

Лишь бы поесть, лишь бы кой чего выпить, лишь бы иметь кров и постель, по возможности мягкую, а дальше присоединяются и более изысканные желания: часы, граммофон, так называемая «черемуха», т. е. не лишённый примитивной поэзии роман, связь, а там и брак, семья, кой какая собственность

— одеяло, кресло, платяной шкаф, — этот последний, обыкновенно громоздкий, — это уже переход к недвижимости: двор, огород, домик, земляца, бродят курочки с петушком, — как же не пометать о свинке, коровке, лошадке?

Идиллия самая обывательская, узко-узко мещанская. Вполне, впрочем, понятная для пострадавшего советского человека, который заново воспринимает все эти не хитрые первобытные радости, в кои ему так долго было отказано.

Немецкая поговорка, относительно «а» и «б», сейчас, как нельзя более, уместна в применении к советской действительности: там люди поистине учатся азбуке, впервые воспринимают буква за буквой весь алфавит той нормально — сложившейся человеческой жизни, которая нигде уже кроме России не представляется новинкой. Для русского революционного человека, пережившего всю глубину разгрома и весь ужас голода и нищеты, оно понятно, — но при чем тут Карл Маркс?

Великий мировой опыт социалистического строительства, закончен полным возвратом к самому примитивному удовлетворению неискоренимого чувства собственности, которое, грубо выражаясь, так и прет из всех щелей недостроенного и разваливающегося здания коммунизма. Власть денег та же, что и всюду, — только проявляется, пожалуй, еще грубее, потому, что грубее и некультурнее люди, потому что весь уровень потребностей куда ниже. Только глубокая неосведомленность, только злостный намеренный

*) См. «Кавказ» ном. 5/29.

обман могут сделать «страну советов» какой-то «фатаморганой» пролетариата.

Все, буквально все, возстанавливают там заново, начиная с самых низов, и если чего еще нет, то только не успело образоваться, потому что алфавит еще далеко не договорен, еще повторяют там какие то средние, а не последние буквы.

Сейчас на очереди новый вопрос: торговля землей. Она еще официально запрещена, но советские газеты все чаще сообщают о целом ряде сделок, совершаемых за собственный риск на основании обоюдных договорных соглашений продавца и покупателя. Это очень интересно: настоящей юридической силы в сущности такие договоры не имеют, они даже преступны, а тем не менее заключаются, — землю продают или сдают в аренду, как отдельные единоличники и члены колхозов, так и целые колхозы и сельсоветы. Торговля эта идет иногда совершенно открыто, — заключаются договоры, которые даже заверяются в сельсовете.

Население само явочным порядком, в сущности революционным, творит новое право, облекая сделки в определенную форму, пока еще не только государством не признанную, но и явно противозаконную. А пройдет еще несколько месяцев, может быть и того меньше, советская власть, под влиянием этого жизненного бытового натиска объявит новый декрет, что, мол, правильно понимаемый марксизм требует торговых оборотов с земельными участками в таких-то и таких-то размерах. Ни Маркс, мол, ни Энгельс, никогда не запрещали подобной торговли и только «головотяпы левацкого уклона» извращают гениальных основоположников социализма.

Но от земельных участков в связи с возстановлением «буржуазной» семьи уж всего

только шаг и до права наследственного. Это, можно сказать, одна из ближайших очередных букв в том социально - государственном алфавите, который теперь заново изучают в советской России. Ведь допущенная и даже поощряемая романтическая «черемуха» неминуемо должна дать плоды, т. е. потомство, от которого уже отказываться нельзя, обрекая на безпризорное существование, — следовательно, и курочку, и коровку, и огородик, и даже граммофон — все это не только хочется, но и следует оставить после себя своему сынишке или белокурой дочурке. Завтра Карл Маркс возстановит наследства, — он этим сейчас там гораздо более занят, чем профессиональной охраной рабочего, — в этом последнем отношении он допускает в России все что угодно: и «стахановщину», и прикрепление к предприятиям, и полный произвол, совершенно противоположный всякому намеку на коллективный договор.

А вот, неудобно ли, сцена, право, совсем анекдотическая, на этом московском «съезде жен», вообще столь изобиловавшем очень характерными бытовыми штрихами. Мадам Весник, не слушаясь, докладывает в присутствии всех сановников, что прямая выгода производить самим растительное масло. Подсолнух имеется в колхозах, и если наладить домашними способами переработку, то масло обходится всего 5 руб. 90 к. килограмм, тогда, как в лавках госторговли, т. е. получаемое при посредстве государственного социального аппарата, оно стоит покупателю 22 р. за кило. Прямая выгода питаться собственным способом.

Самое забавное тут то, что сановники не только не обиделись и не пригрозили зарвавшейся индивидуалистке, а наоборот: Сталин стал первый аплодировать.

Но ведь это же подрыв всей хозяйствен-

ной системы, всего советского бюджета! Ведь все благосостояние советского союза со всей его военной мощью, со всеми полпредствами и коминтерном, с Литвиновым и Майским, и с Радеками, и Димитровыми, целиком покоится именно на том, что у населения отбирается его сырье — зерно и всякие злаки — и втридорога потом продается своему же потребителю и в сыром и в переработанном виде.

Само собою разумеется, что домашним способом можно наловчиться иметь почти все необходимое совсем по другим ценам, а может быть и вовсе даром, когда собственный подсолнух будет расти тут же у твоего забора, но тогда от системы единой госпромышленности и госторговли придется перейти сначала к кустарному периоду частного снабжения, а потом с Божьей помощью (блага колокола уже зазвонили) и к частной заводской и фабричной инициативе. На следующем «съезде жеп» мадам Весник станет уже вестником новой замечательной программы, откроет новую очередную Америку, новую букву азбуки, что еще выгоднее; оказывается перерабатывать такое количество масла, чтобы и с соседями можно было им поделиться, по сходной, конечно, цене. Ведь и соседу выгоднее заплатить 10 рублей г-же Весник, чем 22 в магазине госторговли. А великий шеф мирового коммунизма Сталин будет очевидно аплодировать и этому новому гениальному открытию, новому социалистическому достижению страны интегрального марксизма.

Чорт знает, что такое происходит!

Но что Россия заново учится самым элементарным основам общественного быта, что она на собственном опыте, под аплодисменты своих вождей, проходит, начиная с введения, сокращенный и популяризованный по-

чти для детского возраста курс политической экономии, что она, впервые раскрывши рот, чтобы сказать «а», теперь невнятно мычит какую то согласную — в этом, конечно, ничего удивительного нет, — удивительно другое: каким образом так долго и так упорно может еще импонировать этот совершенно невероятный обман, каким образом удается до сих пор заманивать и вводить в заблуждение российским «социалистическим опытом» столь многих вне России?

В старом Петербурге знал я одного лавочника, хитрого пройдоху ярославца, бакалейная торговля которого как раз находилась против окон моей квартиры.

Часто заходил я к нему именно из за этой близости и в особенности часто покупал фрукты.

Бывали у него иногда сорта недурные, сравнительно дешево.

А иногда вдруг появлялась над виноградом, на вид скверным, но дорогим, огромная надпись: «сладкий чауш из Крыма» или «туркестанский ангур-калан янтарный».

Скоро пришлось убедиться, что эти сорта всегда плохи.

Вот я как то и пристыдил своего обыкновенно приветливого и любезного лавочника, и когда мы оказались одни, прямо сказал ему ему:

— Вы, дорогой, нарочно делаете эти надписи. Когда у вас плохой виноград — нарочно его рекламируете и повышаете цену.

Он хитро улыбнулся.

— Заметили...

— Как не заметить, — продолжал я, — каждый заметит. В особенности попробовав...

— Не всякий пробует, — сказал он, — впрочем, я на постоянного покупателя, конечно, и не рассчитываю. Я верь проходящей публики тоже немало, и не всякий, знаете,

вперед пробует, а просто увидит: и сорт какойто необычайный, и цена высокая — давай два фунта. Таки разойдется. Публика, знаете, в общем глупая...

Часто вспоминаю я этого лавочника, ко-

гда идет речь о советской России.

Глупая публика и недобросовестные лавочники. Но во имя чего они обманывают? У того расчет был просто, — ну, а здесь?

В. Оленин.

К смерти Максима Горького

Максим Горький умер. После смерти Ленина, смерть Максима Горького самая значительная в среде воинствующих большевиков. Поэтому она приобретает характер большого советского события. Впрочем, большим событием считалось появление и литературное продвижение Горького и старой Россией. В истории литературы редко, чтобы человек, появившийся из подлинных низов, сделал такую стремительную карьеру. Старая Россия, настроенная либерально, сразу признала за ним и талант и «передовое» значение его литературных сюжетов. Русское «дно» и русский «босаяк» основные темы горьковской литературы, сразу стали знаменовать для «мыслящей России» пробуждение народа... Остальное пришло своим чередом. Ибо автор «Буревестника» оказался, действительно, предтечей бури. Большевик шел, рос и подвигался по стопам Горького. Он откровенно стал марксистом и социал-демократом, а в нужное время одним из столпов самого большевизма.

Мы не собираемся давать полную литературную оценку Горького, полагая, что это дело русской критики. Но сказать несколько слов о том, как Горький влиял на литературы не русских народов, населяющих многоязычную Россию, считаем необходимым. Влияние это было мизерное. В частности, в

Грузии первая книга его переводов осталась неразобранной читающей публикой. Дальнейших переводов вовсе не делали. В рассказах его все было непривычно и мало привлекательно для грузинского читателя, воспитанного на совершенно иных литературных вкусах. С его пьесами, столь шумевшими в то время, тифлисцы знакомы в русском театре, а не в грузинском. На сколько помнится, на грузинской сцене они никогда не ставились.

Меж тем Горький лично был связан с Грузией, имел грузинских друзей и первый его литературный дебют имел место в Тифлисе. Известно, что первая его печатная вещь появилась в тифлисской газете «Кавказ».

За то для характеристики творчества Горького, не безинтересно привести следующий забавный случай.

Имя Горького уже гремело по всей России и он больше не нуждался в приездах в Грузию, где он имел сердобольных друзей, помогавших ему всячески, в начале его жизни, когда появился его рассказ «Мой спутник», вызвавший в Грузии негодование. Рассказ Горького оказался образчиком репортажного вранья. В нем автор описал свое путешествие (конечно пешком!) из Владикавказа в Тифлисе, в компании «грузинского князя» — фамилию не помню больше. Рассказ

незначительный. Русские много раз описывали прославленную грузинскую дорогу, некоторые даже очень талантливо (о Пушкине и Лермонтове я говорить не надо) — Горький же кончает описание своего путешествия неожиданно тем, что «грузинский князь» крадет у прославленного «пешехода» пальто!.. Немудрено, что такой финал рассказа не понравился грузинам. Но еще больше он не понравился «спутнику» Горького, который отыскался и напечатал опровержение в грузинской газете «Цнобис Пурцели». Оказалось он вовсе не «грузинским князем», а человеком простого звания, честным кондуктором.

Он и рассказал в своем опровержении, что не он украл у Горького пальто... а сам Горький ушел с его, кондуктора, пальто, в тот момент, когда грузин сходил в придорожную деревню, достать пищу для себя и, конечно, для своего «спутника».

Писателям многое прощается. Честный же кондуктор просто требовал восстановления его доброго имени, ибо, как заявлял он в своем опровержении, у него имелись жена и дети.

Горький конечно не «унизились» до полемик с кондуктором и обошел молчанием опровержение...

К. Р.

Обзор печати

БУХАРЕСТ, ПРАГА И МОСКВА

Интересная статья под заголовком «Бухарест, Прага и Москва», была помещена недавно в «Аксен Франсэз». Приводим из нее обширную выдержку.

Конференция государственных людей Малой Антанты закончилась, но завеса, скрывающая тайные переговоры г.г. Титулеско и Бенеша, так и осталась неподнятой. Мы неоднократно привлекали внимание наших читателей на то, что втихомолку готовялись в Бухаресте и Праге оба вождя Малой Антанты, а именно: разрешение транзита через Румынию войскам и авиации русской красной армии. От идеи заключения румыно-советского договора пришлось отказаться. Титулеско пришлось

констатировать, что большинство партий решительно высказались против его проекта. Далеко не все румыны забыли, что аннексия Бессарабии никогда не была признана советским государством. Ни один большевицкий дипломат никогда не приезжал даже в Румынию через Бессарабию. Но мы уже указывали, что министр иностранных дел Бухареста сделал попытку обойти трудности иным путем, предложив Чехословакии допустить право прохода через Румынию армиям ее союзницы — советской России. Это предложение также пришло по вкусу не всем румынам. Далеко не всем, по... соглашение по этому поводу не подписано ли оно теперь уже Прагой и Бухарестом? К несчастью мы имеем все основания это думать. Г. Эдуард Бенеш,

президент Чехословацкой республики сделал недавно газете «Пари Суар» следующее заявление: «

«На случай, если Франция и Англия окажутся настолько слепыми, чтобы уклониться от своей миссии, наши три государства предусмотрели все обстоятельства; они будут действовать по общему плану... К тому же они знают, что Восток им пришлет на помощь и людей и оружие».

Каким путем советская государство могло бы доставить людей и оружие в Чехословакию? Отнюдь не через Польшу. Следовательно через Румынию. Г. Братиано внес 15 июня интерпеляцию по этому вопросу в румынскую палату.

Вполне понятно беспокойство румынских патриотов. Пакт взаимопомощи, подписанный Чехословакией и Россией, не имеющими общей границы, не может не волновать Румынию? Слишком ясно всякому, что если красной армии дано будет разрешение занять область Черновицы, она, во первых, не ограничится этим, а затем никогда по доброй воле оттуда не удалится.

На каком основании советское государство так фаворизировало бы буржуазную Румынию? На том основании, что она отобрала Бессарабию? На чем базирует г. Титулеско свое доверие? На истории румыно-русских взаимоотношений? Конечно, нет. На лояльности советов? Когда и в чем они дали тому основания? Простое благоразумие позволяло ли рассчитывать на мощь красной армии? Ведь царская армия имела все основания быть более лояльной, чем красная, и румыны тем не менее видели результат в 1916 г. Это было нашествие.

Франция связана с Румынией опреде-

ленным договором. Если румыны разрешат советским войскам проход через свою территорию, рассчитывают ли они на помощь Франции на случай более чем правдоподобный, когда красные войска откажутся эвакуировать Румынию и придется их выпроваживать силой?

Г. Леон Блюм и Дельбос обещали ли содействие французской армии на этот случай?

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ В ВОПРОСЕ О ПРОЛИВАХ.

В номере от 2 июля «Известия» горько жалуются на недружелюбную в отношении СССР политику Турции.

«Проект нового договора о проливах, пишет официальный орган ЦИК-а СССР, предложенный турецкой делегацией, к сожалению, нельзя назвать дружелюбным по отношению к СССР, ибо он не учитывает законнейших интересов нашей страны.

Позиция Турции, неясная с точки зрения интересов обороны самой же Турции, может быть понята лишь как отражение режима враждебных СССР сил.

В этом контексте стоит указать, что — как нам, по полученным сведениям, это известно — одно из империалистических государств уже получило от Турции заказ на постройку укреплений в проливах, в чем сказалось усиление влияния этого государства на Турцию.

Только наличие таких влияний может объяснить попытку поставить на одну доску СССР и его интересы в Черном море с интересами нечерноморских держав. Какие интересы нечерноморских держав хочет учесть Турция, предусмат-

ривая в своем проекте точно такой же тоннаж для ввода военных кораблей нечерноморских держав, что и для вывода советских военных кораблей? Для Советского Союза речь идет о безопасности его границ. Упомянув о нечерноморских державах, турецкий проект имеет в виду т. н. «визиты вежливости»... Мы не будем здесь поднимать ехидного вопроса о том, куда же, в какие порты стремятся с этими визитами любители вежливости. Достаточно указать на это «сравнение», чтобы понять, что тут дело не в вежливости, а в чем то совершенно другом...

«Правда» в номере от 1 июля так же посвящает свою передовую статью тому же вопросу и тоже очень недовольна Турцией.

«...Ясно, что турецкое предложение, пишет орган Центрального Комитета ВКП, не считается в достаточной мере с интересами СССР, находящимися в дружественных отношениях с Турцией и всегда считающимся с ее интересами. Не менее ясно, что в этом находит свое выражение давление на турецкую политику враждебных СССР влияний. Приходится с сожалением констатировать, что позиция Турции на конференции в Монтре не является дружелюбной в отношении СССР, как это можно было бы ожидать на основании существующих долготелетних дружественных отношений между обоими государствами.

Вопросу о проливах мы посвящаем особую статью нашего постоянного сотрудника Доминика Милля, окончание которой будет помещено в августовском номере нашего журнала, когда будет возможно подвести итоги конференций в Монтре.

КАВКАЗ И АРМЯНЕ

Армянская пресса уделяет последнее время много места Кавказу и положению армян среди кавказских народов.

Парижская ежедневная газета «Арач» свою передовую статью, в номере от 28 июня, посвящает этому вопросу. Написанная в ровном, спокойном тоне статья эта подчеркивает недопустимость деления Кавказа на «Унионы» по конфессиональному признаку и призывает к объективному и благожелательному изучению стоящих перед нами вопросов, как внутреннего, так и внешнего порядка.

Мы приводим эту интересную статью целиком.

Наши соседи иногда выступают против нас, обвиняя нас в том, что мы не участвуем в их работе. Но они забывают, что нам слишком тесно в теперешней Армении и наша проблема выходит за границы Кавказа. Этим объясняется тот факт, что наш народ рассеян за морями по всем континентам и на чужбине растрчивает свои духовные ценности.

Взаимоотношения кавказских народов имеют свои предпосылки, которые не следует упускать из виду.

В течение лет грузины, азербайджанцы и горцы идя в ногу, стремятся к независимости кавказских народов, путем устранения русского владычества.

Для нас же стремление к устранению всякого русского владычества, над нами вопрос столь же актуальный, как и вопрос турецкой опасности и признание армянских справедливых требований. Трудности нашего сближения с нашими соседями связаны именно с этими вопросами.

Недавно, обсуждая проект новой советской конституции, мы имели случай заявить, что главной нашей заботой должно быть установление общей кавказской политики. Географическое положение Кавказа не отделимо от его политической судьбы. Как искренние патриоты и реальные политики, кавказские эмигрантские деятели всячески должны избегать повторения недавних ошибок, которые могут только отдалить нас друг от друга и посеять взаимную вражду.

Излишне повторять, что вождения кавказских народов могут быть реализованы только согласованными их действиями и лояльным сотрудничеством. Такое сотрудничество предполагает лояльное и справедливое разрешение стоящих перед нами проблем. Как мусульмане, так и христиане Кавказа стремятся только к одному: *взаимно помогая друг другу возстановить и охранить собственную независимость*. Угрожающую опасность для одной из сторон, надо считать опасностью для всех. Во время войны каждый из кавказских народов вел свою политику самостоятельно: германская ориентация грузин, турецкая ориентация азербайджанцев и союзная ориентация армян... И как далеко ушли мы все от интересов наших стран!..

Хоть сегодня надо лучше осознать проблему и вникнуть в ее суть.

Необходимо справедливо и великодушно разрешить спорные земельные вопросы внутри Кавказа; эти вопросы делают деликатными взаимоотношения кавказских народов. До сего времени эмигрантские деятели могли бы многое сделать и подготовить психологическую

почву, на которой легко было бы воздвигнуть здание всекавказского братства. К сожалению, эта работа проделана односторонне.

Наши предпочтения не должны играть в этом деле какую либо роль. Мы должны считаться с действительными фактами. Не будучи ни руссофилами, ни туркофилами, мы обязаны точно учесть степень грозящей нам опасности как со стороны России, так и со стороны Турции.

В разрешении кавказских проблем нет надобности искать мусульманский или христианский блок. Наше единственное желание устранить всякую возможность распада Кавказа на два таких фронта и стремиться к общей рациональной цели. Надо покончить с прошлыми ошибками и расбродом и стать на такой позиции, которая соответствовала бы общим стремлениям и желаниям кавказских народов.

В эту историческую решающую эпоху, прежде всего надо стремиться к духовному сближению, вместо того чтобы изолировать одного и недооценивать другого. Ступившиеся тучи нужно пытаться рассеять путем близкого знакомства друг с другом встречами, обменом мнений и изучением истории Кавказа. Нельзя же отрицать того факта, что мы тесно связаны географическими, историческими и политическими узами, что все это создало для нас ондо и то же положение и одинаковую цель. Опереться на темные и чуждые нам силы, стремящиеся нанести удар в сердце национального Кавказа, — мы считаем политической недоразвитостью. Мы уверены, что многое может измениться в тот день, ко-

гда внешняя опасность будет воспринята по настоящему, а внутри Кавказа наметится равновесие сил и необходимые предпосылки для национального развития.

«ВОПРОСЫ И УГРОЗЫ»

Под таким заголовком издающаяся в Бостове армянская газета «Айреник» (17 мая 1936 г.) комментирует, помещенную в ном. 4/28 «Кавказа», статью нашего сотрудника *Тбилисеи*.

Армяне не участвуют в работе кавказской эмиграции по объединению Кавказа, пишет центральный орган армян, живущих в Северной Америке, потому что, во первых наши кавказские соседи не дают нам никаких гарантий, что освободившись от ига России, Кавказ не очутится под властью Турции; и во вторых, кавказские наши соседи, желая иметь против России нашу помощь, не предлагают нам никакой помощи для разрешения наших жизненных вопросов в Турции.

Армяне прекрасно сознают, что они со своими кавказскими соседями связаны тысяча и одной нитью и стремятся быть в дружбе не только с грузинами, но и с горцами и азербайджанцами. Если армяне в настоящем предлагают дружбу только грузинам, причина этому та, что они не уверены, что горцы и азербайджанцы. Если армяне в настоящем предлагают дружбу только грузинам, причина этому та, что они не уверены, что горцы и азербайджанцы смогут и будут бороться против турецкой угрозы, независимости Кавказа с тем же рве-

нием, какого они требуют от нас для борьбы против России.

До тех пор пока наши кавказские соседи не согласятся с обоснованными требованиями армян и не разделят их опасения в отношении турок, к сожалению, против своей воли, армяне принуждены будут всецело сохранить за собой свободу действий.

Позиция «Айреника» не блещет новизной. Она полностью отражает, увы, хорошо нам знакомое творческое бессилие политической мысли некоторых руководящих кругов армянской общественности. Не эти ли круги, упорно закрывающие глаза на титанические сдвиги, совершившиеся за последние 20 лет на Ближ. Востоке и на Кавказе, несут главную долю ответственности и за то, что армянская проблема очутилась в том опасном тупике, в котором она сейчас находится?

Какое новое слово несут они армянским массам, которые, там на Кавказе, с надеждой и тревогой взирают на грозные события, нарастающие на Дальнем Востоке и в Западной Европе?

Какие намечают они пути своему многострадальному народу? Какой практический вывод из положения они ему предлагают?

«Мы сохраняем свободу действий», — гордо заявляет «Айреник».

Неужели серьезный армянский орган не чувствует всей условной лжи и внутренней фальши этой заезженной и пустозвонной фразы.

Этой ли пассивной, обывательской позы ждут от «Айреника» его читатели, ищущие в нем ответа на волнующие их вопросы, в одну из самых драматических эпох истории?..

Однако «Айренику» и книги в руки. Он лучше нас понимает свои задачи и потребности своей аудитории.

Мы не можем однако оставить без самого категорического протеста попытки популярного армянского журнала усмотреть какую то угрозу армянам в статье нашего сотрудника Тбилисели. Формулированные им вопросы естественны и логически неизбежны. Замалчивать их значит закрывать глаза на реальную кавказскую действительность. Продиктованы эти вопросы искренней тревогой за будущие судьбы кавказских народов вообще и армян в особенности.

Излишняя нетерпимость и подозрительность к инакомыслящим могут только помешать созданию той спокойной и благожелательной атмосферы — вне которой наши дискуссии на острые и сложные темы армяно-кавказских и армяно-турецких взаимоотношений могут оказаться скорее вредными чем полезными.

ПОЗИЦИЯ «УСАБЕРА»

Тем же вопросам посвящает свою передовицу в номере от 18 июня каирский «Усабер». В жизни армянской политической эмиграции эта газета играет довольно крупную роль. Она считается официозом партии «Дашнакцутюн». Дабы читатели наши могли дать себе точный отчет, в каком направлении работает политическая мысль значительной и быть может наиболее активной части армянской эмиграции — мы приводим эту статью почти целиком.

Мы рады, пишет «Усабер», констатировать, что наш братский грузинский народ пришел к выводу, что Кавказу угрожают две опасности: с севера большевики и с юга Турция. И нам особенно приятно, что против армяно-грузинского сближения нет серьезной оппозиции. Как заявляет «Кавказ», грузинские

главари явно или молча поддерживают это сближение. Если без различия религии и внешних влияний ту же политику вели бы горцы и азербейджанцы, тогда это послужило бы залогом близкого освобождения и независимого существования всех кавказских народов.

Это должно быть не только простым желанием, но и целью наших стремлений.

Чтобы добиться этого, надо устранить некоторые препятствия и выяснить те недоразумения, которые существуют между нами и нашими соседями горцами и азербейджанцами.

В майском номере «Кавказа», его редактор г. Гайдар Баммат, по поводу армяно-грузинского унияона и передовицы «Усабера» пишет очень четко и ясно (что и делает ему честь): «мы вынуждены отметить, что расхождения наши с теми политическими кругами, настроения которых повидимому отражает «Усабер», все еще очень велики... Народы не выбирают своих союзников. Они даются им их географией. Юг, тот юг, откуда по мнению почтенной армянской газеты, грозит Кавказу такая же опасность, как и с севера, по нашему глубокому убеждению, является нашим потенциальным союзником...»

Ясно, что г. Гайдар Баммат предлагает Турцию сделать явorem союза и освобождения кавказских народов, создав общий фронт против России, г. Баммат искренно заявляет, «Усабер» видит, что мы не стесняемся ставить точки над i и называем вещи собственными именами».

Уважаемый автор статьи ошибается в одном, — эта честь принадлежит Расул Заде, который много лет тому назад еще

более определенно и последовательно наметил будущность кавказского союза, заявляя:

«Кавказская конфедерация только этап для пантуранизма: как германские конфедеративные государства впади в прусское море, так и все кавказские единицы должны впасть в турецкое море».

Мы весьма довольны, что над *і* ставятся точки, так как фокусничеством политика не ведется. Наши соседи не могут так же обвинять нас в том, что мы ведем не ясную и ложную игру, как делали некоторые люди, ставившие свой подписи под «кавказскими пактами». Мы давно пришли к тому убеждению и выводу, что:

а) Если бы мы были принуждены делать выбор между турецким и русским влиянием или владычеством, то не только мы, но так же грузины и горцы (вместе с Гайдаром Бамматом) выбрали бы русских. Понятно, что азербайджанцы тина Расул Заде, которые заражены пантуранизмом, сделали бы иной выбор. Но сотрудничество армян и азербайджанцев в 1930 г. доказало, что они в своей стране не пользуются никакими симпатиями и влиянием и не представляют Азербайджана. После уроков Халила и Нури паша, Азербайджан сделал выводы, которые не соответствуют мыслям г.г. Баммата и Расул Заде.

б) Кавказ уже воспринял лозунг «Кавказ для кавказцев», и понял, что объединение страны является единственной гарантией свободы и преуспевания его народов. И потому он против красной и белой России, как и против пантураннистской и нетураннистской Турции.

в) Спасение кавказских народов

не в том, чтоб искать господства над собой того или иного государства, а в том, чтоб опираться на свой дружеский союз, согласно принципу самоопределения народов, независимо от их количества, качества и вероисповедывания.

Народы Кавказа должны считать союзниками, тех, кто признают свободный Кавказ, и считать врагами тех, кто станет насловать эту свободу. Провозглашая этот принцип мы не отклоняем дружбы ни России, ни Турции. Только мы ставим условием, чтоб они дали доказательства этой дружбы, — имея в виду, что эти государства попирают самоопределение народов.

В том же «Кавказе» г. Баммат и в особенности Амираджиби считают опасным разсматривать в одной плоскости угрозу «севера» и «юга», такъ как таким образом могут «создаться два фронта и Турция враждебно настроится против Кавказа, что может иметь опасные последствия». Если на самом деле опасна разсерженная Турция, за которой по рецепту г.г. Баммата и Амiredжиби надо ухаживать, то почему не считать столь же опасной сердитую Россию? Если любезничать полезная политика, тогда логичнее было бы поухаживать за более могучей стороной, каковой является Россия...

Мы противники такой политики. Наш принцип: вооружиться тесным союзом и быть сильным. Тогда все будут искать нашу дружбу. Если мы поймем это и воскресим такой союз — мы спасены. Иначе Кавказ со всеми своими народами впадет или в славянское или же в пантуранское море.

У нас непоколебимая вера, что кав-

кавказские народы объединятся в собственном кавказском море. А для этого г.г. Бамматы и Расул Заде должны не мешать, а помочь нам.

Комментировать по существу настоящую статью «Усабера» значит повторить и развить те соображения, которые мы уже имели случай высказывать на этих страницах. К этим идеям, очевидно, в той или иной форме, нам придется вернуться еще не раз.

Не станем останавливаться и на противоречиях, которыми полна статья в части, касающейся оценки нашей позиции в вопросе о взаимоотношениях Кавказа и Турции. Эти противоречия не ускользнут от внимания и самого поверхностного читателя. Но трудно обойти молчанием весьма своеобразный и едва ли делающий честь почтенному армянскому органу прием полемки, который он допускает, разбирая статью нашего редактора, посвященную «Армяно - Грузинскому Униону» в майском номере нашего журнала.

Передовик «Усабера» приводит обширные цитаты из этой статьи, но для того, чтобы сделать нужные ему выводы он пользуется отнюдь не этими цитатами и даже не прежними писаниями Гайдара Баммата, а какой то давнишней статьей его политического антипода многоликого М. Э. Расул-Заде, бывшего члена Российской социал-демократической партии (большевиков), бывшего пан-ираниста, бывшего пантурсиста и ныне попутчика грузинских меньшевиков...

Было бы приблизительно тоже самое, если бы мы, желая оспорить взгляды редактора «Усабера» подкинули бы ему цитату, скажем из Н. Жордания, эпохи армяно-грузинской войны... Если нужен обвинительный материал против Гайдара Баммата, было бы последовательнее и убедительнее искать этот

материал не в прошлом г. Расул Заде, а в его собственном прошлом. Г. Баммат, как известно, был министром иностранных дел национального правительства Сев. Кавказа, руководил внешней политикой Совета Обороны в период борьбы горцев против добровольческой армии, был председателем Азербайджано - Горского Комитета (возникшего в г. Тифлисе, во время наступления большевиков на Грузию, временного правительства для республик Азербайджана и Сев. Кавказа) и т. д. На всех этих постах он имел случай принимать ответственные решения и совершать политические акты, оценка которых, конечно, может быть самой разнообразной... Он напечатал на разных языках не один десяток статей по кавказским вопросам. Эти писания можно одобрять или неодобрять. Они и были часто предметом весьма страстных контроверз и нападков на него с разных сторон. Все это в порядке вещей. Но никогда, никто не мог указать ни одного случая — не удастся это и «Усаберу» — когда наш редактор словом или делом хотя бы на одну ноту уклонился от кавказской идеологии и обнаружил желание влить кавказские народы в русское или турецкое море. Мы обращаемся к лояльности «Усабера» и спрашиваем, что общего между подчеркнуто кавказской и только кавказской позицией, которую, говоря о наших северных и южных соседях, неоднократно формулировал Гайдар Баммат, формулировал «очень четко и ясно», как это признает сам «Усабер» и приводимой им устаревшей цитатой из Расул Заде? — Ведь не может же «Усабер» отрицать того, что формально сегодня г. Расул Заде гораздо ближе к нему, чем к нам, хотя бы потому, что экс-лидер «Мусавата» давно уже находится в хвосте тех самых «грузинских главарей», тайное или явное сочувствие которых «Армяно-Гру-

винскому Униону» так радуется почтенную армянскую газету.

Наконец почему бы не попробовать отделаться от навязчивых идей — тяжелого наследия прошлого — и, отказавшись от археологических изысканий, попробовать серьезно разобраться в аргументации Г. Баммата, видящего в установлении дружественных отношений с Турцией не только одну из самых существенных гарантий действительной независимости Кавказа, но и необходимую предпосылку для благоприятного разрешения вопросов, специально интересующих армян.

«ЛЕНИНСКАЯ НАЦПОЛИТИКА»

В местной дагестанской прессе читаем нижеследующие строки одного рабочего, подписывающего, должно быть, символически, И. Дагестанский:

«Гергебильстрой, расположенный в долине вблизи горных аулов, может и должен стать кузницей национальных кадров. Но к сожалению, с коренизацией здесь обстоит неблагоприятно. Никакой работы по привлечению национальных кадров на стройку не производится.

Каждый год строительство посылает вербовщиков в *центральные города Союза*. На вербовку рабочих там затрачиваются большие средства. На строительстве большая текучесть. В прошлом году сменились почти все рабочие.

Рабочие из ближайших аулов сами приходят на стройку, но *дирекция отказывает часто* в работе только потому, что они будто бы не умеют работать. Эти возмутительные заявления не имеют, конечно, под собой никакой почвы.

Имеющиеся на строительстве национальные бригады Кураева, Мусания, Османа Идрисова и др., работают хорошо, перевыполняют нормы, имеют в своих рядах не мало стахановцев.

Среди национальных кадров почти не ведется никакой просветительно-воспитательной работы. Однако, рабочие настойчиво и упорно овладевают техникой. Тов. Аганов Ахмед из аула Сограталь работает токарем, выполняет норму до 300 проц.»...

Нужны ли комментарии?

СОВЕТСКИЕ БОЛЬНИЦЫ

Из советских газет:

«В 1-ой эриванской больнице плохо обстоит дело с питанием, нет диетической столовой, блюда однообразные, кухня не имеет квалифицированного куллара.

В Кюрдямитской больнице грубо нарушаются правила больничного режима. Больные не проходят санитарной обработки, посетители общаются с больными безконтрольно, в палатах грязно, истории болезней ведутся небрежно, а в отдельных случаях и совсем не ведутся. Врачи часто нарушают дисциплину.

В скверном состоянии Лагодехская больница. Больные не имеют возможности мыться, постели их неопрятны, одним полотенцем пользуются несколько больных. Здесь установилось даже такое правило, что больные должны приносить с собой весь комплект постельных принадлежностей. Проходит иногда 3-4 дня, пока поступивший больной удостоится осмотра врача.

Не в лучшем положении и Октембе-

рянская больница. Здесь нет даже кипяченой воды. Больные жалуются на отсутствие белья. Администрация не про-

водит санобработки и даже мытье ног считается роскошью»...
«Достижения», ничего не поделаешь!

ХРОНИКА

— Впервые в русском переводе вышли в Тифлисе избранные произведения Джалила Мамед Кули заде. («Молла Насреддин»). В сборник вошли его комедии «Олилар» («мертвецы») и 9 рассказов, которым предпослана статья Али Назима о творчестве писателя. Перевод сделан А. Шарифом; издание Закавказского государственного издательства.

— 2 мая убит в Махач-Кале, член горсовета, «активный работник», Шамиль Шейхов.

— В районе Эльдарово (Терский хребет) одна скважина на глубине 687 метров вскрыла нефтеносный пласт свыше 30 метров. В соседних районах Шалмаз-Кала и Мужим-Биру бурением вскрыты нефтеносные песчаники. В Мужим-Биру две скважины из глубины 200-300 метров должируют газом.

Как видно, в будущем 1937 году, в советской Грузии будут праздновать не только 750-летие Шота Руставели, но и столетие со дня рождения Ильи Чавчавадзе. По этому поводу в «Литератури Сакартвело» читаем:

«В 1937 году исполняется сто лет со дня рождения Ильи Чавчавадзе и тридцать со дня его смерти.

Тифлисский государственный университет взялся за практическую подготовку ознаменования этой юбилейной даты.

Университет намерен дать академиче-

ское издание произведений Ильи Чавчавадзе. Ко дню юбилея выйдут три тома. Написание монографии об Илье Чавчавадзе поручено тов. Б. Буачидзе. Университет так же издаст сборник, посвященный жизни и деятельности поэта. В сборник войдут, главным образом, неопубликованные еще письма Ильи Чавчавадзе.

ВЕСТИ ИЗ ДАГЕСТАНА

Кто правит Дагестаном?

За 1935 г. 280 председателей сельсоветов были «сняты» с работы за разные «проделки» — уголовщину, пьянку, произвол и пр. Это составляет 40 проц. наличного состава председателей сельсоветов по всему Дагестану. Вот какие элементы правят теперь дагестанской деревней во имя «социализма».

Дагестанская нефть.

12 апреля из скважины № 8 нефтепродки Избербан ударил нефтяной фонтан, мощностью около 500 тонн в сутки. По всему видно, что район Избербана крайне богат нефтью. Глубина скважины достигает 1.500 метров.

В БАКУ.

— В Баку закончено строительство новой гостиницы «Иятурист», которая является луч-

шей на Кавказе. «Интурист» расположен на набережной и покрыт повсюду зеленью. Отделанная мрамором гостиная, специальная детская комната, парикмахерская, музыкальные площадки, лифты, спортивные площадки и пр. — «Интурист» ожидает лишь прибытия любителей. Стоит новая гостиница 5 миллионов рублей.

— В Баку открылся первый съезд молодых ученых на котором участвует около 600 делегатов. Среди них два профессора азербайджанца, Академический персонал Баку, насчитывающий 313 человек, имеет в своей среде 7 профессоров тюрков, 44 доцента и 150 научных сотрудников.

— В Тифлисе прошла с большим успехом

пьеса армянского драматурга Джанана — «Шах-Наме».

— В Баку строится новый кино-театр, рассчитанный на 1.200 зрителей в зимнем зале и 500 зрителей летом (на крыше). На постройку ассигновано 4 миллиона рублей. Авторами проекта являются молодые азербайджанские архитекторы Усейнов и Дадашев.

— В Эривани готовятся к постановке 2-х новых армянских пьес: «Багдахар ахдар» А. Пароняна, «Министр финансов» Вагаршеяна.

— В Баку открыт Институт для усовершенствования врачей.

— В Альма-Ата, столице Казахстана, вышел 1-й русско-казахский словарь, содержащий больше 20.000 слов.

АФОРИЗМЫ ШОТА РУСТАВЕЛИ

«Заря Востока» приводит следующие афоризмы Ш. Руставели (перевод Г. Цагарели):

1. Вновь родиться ты не сможешь, зла не обратишь в добро.

2. Совершивши трудный подвиг и своей достигнув цели, муж отважный забывает горечь пережитых бед.

3. Разве знал победы радость, кто от клятвы отступил?

4. Но для злого злое слово — слаще тела и души.

5. Разве воин — кто на помощь залезал, скрывая брешь?

6. Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней обзор.

7. Сладостна беседа, если слушает тебя товарищ.

8. Кто пленявшись вежливой розой, без

шинов ее сорвал?

9. Если милая далеко, утро светлое — как ночь.

10. Радости вкушать не трудно, в неудачах крепким будь!

11. Из норы змея выводит сладковзвучные слова.

12. Надо другу, ради друга, быть готовым к испытаниям.

Сердцем быть созвучным сердцу и мостить любовью путь.

Читая эти строки поневоле удивляешься насколько людские чувства и понятия, главным образом морали, остаются неизблемыми с течением веков, и как жалки потуги тех материалистов, кот. пытаются заменить все человеческие чувствования и порывы, лишь «экономикой».

Читая эти строки, помня актуальность, поневоле удивляешься насколько людские чувства и понятия о разных материях, главным образом, морали, остаются неизблемыми с те-

чением веков, и как жалки потуги тех материалистов, которые пытаются измерять все человеческие чувствования и порывы, лишь «экономикой».

БИБЛИОГРАФИЯ

Ein Heldenepos des ossetischen Dichters Al. Koubalov. Von Georg Gappo Baiev und Wolfgang Lentz in Berlin: (Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Jahrgang XXXVII. Abt. II: Berlin 1934):

Это — отдельный оттиск из «Известий семинария восточных языков в Берлине» за 1934 г. Здесь помещен, в латинской транскрипции, осетинский текст, сопровождаемый дословным немецким переводом, эпической поэмы, я бы сказал, скорее распадающейся современного осетинского поэта Александра Кубалова, по настоящему Хубалти, озаглавленной именем ее героя: Aefxoératy Xoesanoe. Это, в героическом стиле народных саг, рассказывающая история умерщвления отца героя и обиды, нанесенной его матери. Сын мстит впоследствии убийством девяти членов вражеского клана. Расходня вложена в уста слепого барда Биво; в ней всего 444 стиха, и она с большой вычуждостью, в духе героической песни, изображает драму кровомщения, в рамках полуохотничьяго, полунастужеского быта не очень уж отдаленных времен, на фоне сурового, могучего пейзажа кургатицких ущелий. Поэма появилась впервые в русском переводе б. Влади-

кавказского городского головы и заслуженного осетинского деятеля, Г. Баева в «Терских Ведомостях» 1897 г., с осетинского текста, написанного русскими буквами («Авшарти Хасана»). Для немецкого же перевода редакторы воспользовались новейшим изданием поэмы в латинской транскрипции, выпущенным Южно-осетинским комиссариатом народного просвещения. (Цхинвал 1927). Немецкий перевод читается с удовольствием. Почему, однако, осетинский вариант слова чуха или чоха в нем передан русским термином «черкеска»? Это маленькая аляповатость.

В четырех главах, предпосланных тексту и переводу, даны краткие, очень интересные очерки возникновения осетинской национальной литературы, жизни и трудов Кубалова, самой печатаемой поэмы, наконец, ее метрической формы, акцентуации и пр. В примечаниях собраны различные литературные ссылки и справки, интересные, особенно для иранистов — это издание их то и имеет главным образом в виду — но и вообще для кавказоведов. Издатель, г. Галло Баев, ныне, в качестве доцента, продолжающий свою полезную литературно-научную работу и г. В. Ленц, заслуживают живой благодарности всех кавказцев.

З. А.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Важа-Пшавела. — V том, изд. Госиздата.
Проф. Г. Церетели. — «Греческая трагедия».
Кн. Гр. Орбелиани. — Письма. I том, под ред. проф. К.Горделадзе и А.Гацерелия.

Пл. Иоселиани. — Жизнь Георгия XIII, под ред. А. Гацерелия. Книга снабжена богатыми новыми материалами.
Кн. А. Амилахвари, как политический деятель и мыслитель. Ред. П. Гелешвили.

Запоздание с выходом в свет июньского номера журнала было вызвано забастовкой в типографии. Редакция приносит подписчикам и читателям свои искренние извинения.

Адресь Редакциі: Mr Haïdar Bammate, 10, rue de Pléto Paris (15).